Ь ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. В. КОЛЬЦОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова

Съ портретомъ Кольцова и алфавитнымъ указателемъ его стихотвореній положенныхъ на музыку

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1891

Дозв. ценз. Спб. 26 сент. 1891 г. Тип. тов. „Общ. польза" в. подъяч.

А. В. Кольцовъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. В. КОЛЬЦОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова

Съ портретомъ Кольцова и алфавитнымъ указателемъ его стихотвореній положенныхъ на музыку

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39

1891

Дозвол. ценз. С.-Петербургъ, 28 Октября 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

---

1) Сочиненія В. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова и Щепкина.
2) Стихотворенія А. В. Кольцова.
3) А. В. Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ. М. де-Пуле. Спб., 1878 г.
4) «Воронежская Бесѣда» на 1861 годъ.
5) «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». А. [illegible]
6) «Литературныя воспоминанія и воспоминані[illegible] [illegible]сковъ». И. И. Панаева.
7) Полное собраніе сочиненій [illegible] 1884 г.).
8) «Русскіе люди». Изд. М. О[illegible]
9) «Кольцовъ и его пѣсни». М. [illegible]
10) «Исторія Русской Литерату[illegible] бургъ 1872 г.
11) «А. В. Кольцовъ, его жи[illegible] юношества Н. А. Добролюбо[illegible] 1865 года.
12) «Наши дѣятел[illegible] и мн. др.
13) *Журналы:* «Ру[illegible] «Дѣло», «Т[illegible] «Сынъ Отече[illegible] рина», «Истор[illegible]
14) *Газеты:* «Кіев[illegible]

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло уже полвѣка со дня смерти Кольцова, между тѣмъ до сихъ поръ еще многіе факты его біографіи остаются неясными, а многіе разсказы о его жизни и отношеніяхъ къ нему окружающихъ, считавшіеся прежде достовѣрными, оказываются не совсѣмъ согласными съ дѣйствительностью.

Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ документовъ для ознакомленія съ жизнью поэта является извѣстная его біографія, написанная Бѣлинскимъ. Знаменитый критикъ не пожалѣлъ яркихъ красокъ въ изображеніи трагическаго положенія своего друга среди окружавшей его «грубой и невѣжественной» обстановки. Но эта блестящая статья, заключая много тонкихъ психологическихъ штриховъ и справедливыхъ мыслей и представляя вѣрную оцѣнку поэтическаго таланта поэта-прасола, порою слишкомъ идеализируетъ его, какъ человѣка, и въ гиперболически-мрачномъ свѣтѣ выставляетъ нравственныя качества людей, его окружавшихъ. По извѣстному изреченію—«человѣку не чуждо ничто человѣческое»—трудно ожидать, чтобы и у Кольцова не было недостатковъ, привитыхъ окружавшею его средою, хотя это нисколько не умаляетъ его огромныхъ достоинствъ. Между тѣмъ въ горячей статьѣ Бѣлинскаго дѣло представлено такъ, что Кольцовъ является яркимъ, чуднымъ цвѣткомъ, а кругомъ него все сплошь—отвратительное, грязное и топкое болото. Понятно, что такая картина въ полномъ объемѣ кажется не совсѣмъ правдоподобною и ея рѣзкіе штрихи должны быть, при изученіи дѣла, значительно смягчены.

Очень мало имѣется достовѣрныхъ данныхъ относительно послѣднихъ полутора или 2-хъ лѣтъ жизни поэта, а между тѣмъ это время преждевременнаго и горькаго угасанія сильнаго таланта является очень интереснымъ періодомъ въ біографіи Кольцова. Да и вообще желательно было бы большее количество данныхъ о всей жизни поэта. Недостатокъ біографическихъ матеріаловъ о немъ объясняется какъ самимъ характеромъ Кольцова, такъ и окружавшею его обстановкою. Скромный прасолъ не былъ ни виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, ни титулованнымъ лицомъ, ни слишкомъ яркимъ, импозантнымъ человѣкомъ,—да и самое значеніе его въ литературѣ тогда не казалось настолько крупнымъ, чтобъ современники и друзья считали нужнымъ отмѣчать и запоминать факты жизни поэта. Необразованная семья, гдѣ родился и провелъ жизнь Кольцовъ, понятно, не могла, да и не всегда имѣла время наблюдать поэта въ дѣтскіе и отроческіе годы и отмѣчать вліяніе тѣхъ или другихъ факторовъ на формированіе его характера и таланта. Самъ Кольцовъ, какъ извѣстно, не писалъ ни дневника, ни воспоминаній и не велъ записокъ. При его сдержанномъ и скрытномъ характерѣ, онъ мало и устно разсказывалъ. Правда, за послѣдніе годы жизни поэтъ велъ большую переписку, но многія его письма еще не обнародованы и даже неудобны для этого, по разсказамъ знакомыхъ съ ними лицъ, вслѣдствіе своего слишкомъ интимнаго содержанія. А письма, писанныя къ самому Кольцову, какъ и всѣ его бумаги, въ которыхъ могло сохраниться много цѣнныхъ біографическихъ указаній, проданы были послѣ смерти поэта его отцомъ, какъ никуда негодный матеріалъ, на рынокъ, «на завертку». И только совершенно случайно самая малая часть изъ проданнаго попала впослѣдствіи въ руки людей понимающихъ. Такимъ образомъ для біографіи поэта-прасола, кромѣ написанныхъ имъ стихотвореній, до сихъ поръ еще главнымъ матеріаломъ являются напечатанные разсказы и воспоминанія его друзей и современниковъ, устные разсказы старожиловъ Воронежа и родныхъ Кольцова, а также небольшое количество извѣстныхъ въ печати писемъ его. И, конечно, въ ряду статей, посвященныхъ поэту, все-таки одною изъ самыхъ драгоцѣнныхъ является вышеозначенная біографія, написанная Бѣлинскимъ. Кольцовъ цѣлые мѣсяцы жилъ съ знаменитымъ критикомъ *и велъ съ нимъ* обширную переписку; онъ былъ очень откровененъ *съ Бѣлинскимъ*, повѣрялъ ему многіе самые интимные факты

своей жизни. Статья напечатана критикомъ (при изданіи стихотвореній Кольцова) въ 1846 г., т. е. четыре года спустя послѣ смерти поэта, когда Бѣлинскій конечно не успѣлъ еще забыть сообщенныхъ ему фактовъ. Повторяемъ, единственный недостатокъ помянутой блестящей статьи тотъ, что, въ пылу горячности, вызванной печалью о погибшемъ поэтѣ, въ ней брошены не совсѣмъ справедливо сильныя обвиненія по адресу родныхъ и знакомыхъ прасола.

Изъ позднѣйшихъ же изслѣдованій о поэтѣ самаго большаго вниманія заслуживаетъ книга покойнаго М. Ф. де-Пуле: «А. В. Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ (Спб. 1878 г.)». Авторъ, долго жившій въ Воронежѣ, собралъ на мѣстѣ насколько возможно полныя данныя о поэтѣ. Въ книгѣ, кромѣ того, сгруппировано почти всё, появлявшееся въ литературѣ о жизни Кольцова, а также приведено много выдержекъ изъ нигдѣ не обнародованныхъ писемъ поэта къ А. А. Краевскому.

Мы, при составленіи очерка, въ значительной степени пользовались вышеупомянутою книгою де-Пуле, не раздѣляя однако всѣхъ выводовъ автора. Кромѣ прочитанной нами литературы, относящейся до предмета предлагаемаго очерка, мы, во время жизни въ Воронежѣ и при поѣздкахъ въ этотъ городъ, старались разузнать и провѣрить многія данныя, сообщавшіяся о поэтѣ, хотя это и представляло трудности за слишкомъ большою давностью событій.

Очень желательно, чтобъ хотя къ пятидесятилѣтію (19 октября 1892 г.) со дня смерти Кольцова были опубликованы до сихъ поръ еще не напечатанныя письма его, а также воспоминанія знавшихъ его или слышавшихъ о немъ изъ достовѣрныхъ источниковъ лицъ. Это, можетъ быть, помогло бы установить болѣе подробно и точно факты изъ послѣднихъ 2-хъ лѣтъ его жизни и освѣтило бы уже извѣстное новымъ свѣтомъ.

ГЛАВА I.

„Темное Царство“ и Поэтъ.

Трагическая роль избранниковъ судьбы.—Кольцовъ одинъ изъ такихъ избранниковъ.—Рожденіе Кольцова.—Роль Воронежа при Царѣ-Преобразователѣ.—Воронежское купечество.—Буржуазная «аристократія».—Ближайшіе предки поэта.—«Прасолы» и «шибаи».—Отецъ и мать Кольцова.—«Крѣпостные» у мѣщанъ Кольцовыхъ.—Няня поэта.—Дѣтство его.—Обученіе грамотѣ.—Страстная жажда чтенія.—«Бова» и «Еруслань».—Роль сказокъ въ возбужденіи интереса къ чтенію.—Дружба съ Варгинымъ.—Романы Лафонтена и Дюкре-де-Мениля.—«Тысяча и одна ночь».—Попытки писательства.—Начало практической торговой дѣятельности поэта.—Первыя очарованія природы.—Смерть товарища.—Стихотворенія Дмитріева.—«Три Видѣнія».—Писаніе стиховъ.—Неблагопріятныя условія для поэтической дѣятельности.

Природа поступаетъ трагическимъ образомъ, забрасывая въ душу человѣка, обреченнаго по своему общественному положенію на безпросвѣтную и тяжкую долю, искры божественнаго огня. Этимъ святымъ, но и опаснымъ даромъ, она какъ будто желаетъ въ извѣстной степени вознаградить общественныя группы, обдѣленныя свѣтомъ знанія и изнывающія въ тяжелой борьбѣ за существованіе, и съ другой стороны — показать удивленному міру, какія богатства душевныхъ и умственныхъ силъ таятся въ этихъ слояхъ общества, для которыхъ судьба была суровою мачихой. И примѣръ божественныхъ избранниковъ, не только сохранившихъ искры святаго огня, но и раздувшихъ ихъ въ свѣтящій міру факелъ, несмотря на условія жизни, постоянно мѣшавшія этому, — примѣръ этотъ дѣйствительно показываетъ намъ, какими могучими задатками обладаютъ лишенные свѣта знанія и матеріальнаго довольства общественные слои, какой непочатый еще родникъ поэзіи, ума и нравственной энергіи заключаютъ они и какою бы могучею, живительною струею пролились эти силы, если бы исторія была вообще милостивѣе къ людямъ.

Здѣсь не мѣсто приводить многіе случаи, доказывающіе богатство дарованій «сыновъ народа», и мы ограничимся только двумя наиболѣе извѣстными въ русской исторіи примѣрами: Ломоносовъ, въ одной своей особѣ, по выраженію Пушкина, «вмѣщавшій всю россійскую академію и университетъ», и знаменитый патріархъ Никонъ—были крестьянскія дѣти.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ принадлежалъ къ этимъ свѣтлымъ и вмѣстѣ трагическимъ избранникамъ судьбы. Какъ ни проста его жизнь, какъ, повидимому, ни будничны ея подробности, но она представляла порою жестокую драму. Если, по выраженію Гейне, съ каждымъ человѣкомъ «родится и умираетъ цѣлая вселенная», то это изреченіе еще примѣнимѣе къ натурамъ избраннымъ, поэтическимъ, обладающимъ чуткою отзывчивостью къ радостямъ и страданіямъ. Не мало пришлось страдать и Кольцову, не мало онъ сдѣлалъ тяжелыхъ уступокъ обстоятельствамъ, не мало и къ нему пристало житейской грязи; но борьба не сломила вконецъ его души, онъ вынесъ изъ тумана жизни свой священный факелъ, и огонь его горитъ ясною, нетлѣнною красотою въ прекрасныхъ и задушевныхъ пѣсняхъ «поэта-прасола».

Кольцовъ родился въ 1808 г., 2-го октября, въ Воронежѣ. Отецъ его, Василій Петровичъ, былъ мѣщанинъ-прасолъ. Міромъ, среди котораго увидѣлъ свѣтъ, провелъ дѣтство и молодые годы Кольцовъ, — до счастливыхъ встрѣчъ съ друзьями и образованными людьми, — было то «темное царство» съ его застывшимъ культомъ вѣрованій, привычекъ и подобострастнымъ отношеніемъ къ капиталу,—которое такъ губитъ всякое самостоятельное мышленіе и чувство. «Яйца курицу не учатъ», «съ сильнымъ не борись», «дѣды не глупѣе насъ были, а грамоты и не знали»,— вотъ нѣкоторыя изъ мудрыхъ правилъ кодекса, обязательнаго въ этой средѣ. Грубость, невѣжество и соединенное съ нимъ суевѣріе—обыкновенные спутники жизни безъ свѣта, безъ знанія, безъ права критики вѣковыхъ устоевъ «Темнаго Царства». Нужны очень счастливыя способности въ соединеніи съ особой душевной стойкостью, чтобъ вылѣзть изъ засасывающаго болота подобной жизни и стать на твердую почву.

Но прежде, чѣмъ перейти къ дѣтству Кольцова, мы должны сдѣлать маленькую историческую и географическую экскурсію, чтобъ лучше освѣтить положеніе «поэта-прасола» и его ближайшихъ предковъ среди мѣстнаго общества.

Воронежъ, расположенный на высокомъ берегу рѣки того-же названія, притокѣ Дона,—очень красивый городъ. Еще въ далекое прошлое, когда воды рѣки были глубже и когда Воронежъ былъ однимъ изъ крупныхъ пунктовъ рѣдко населенной степной окраины, здѣсь уже кипѣла жизнь: царь-работникъ намѣтилъ этотъ городъ для своей кораблестроительной дѣятельности. Здѣсь строились и снаряжались суда для походовъ Петра I на Азовъ, основывались фабрики и заводы въ то время, когда еще провинція спала глубокимъ сномъ. Это обстоятельство, а также заѣзды царя и долгое его пребываніе въ городѣ способствовали тому, что въ Воронежѣ оказалось много прозелитовъ вводимой Петромъ «крестомъ и мечемъ» новой цивилизаціи. Образовалось не мало купеческихъ фамилій, «аристократовъ» торговаго сословія, давно уже усвоившихъ себѣ внѣшніе аттрибуты новыхъ вѣяній: бритье бороды и нѣмецкое платье. Но, разумѣется, толчокъ, данный когда-то росту города дѣятельностью Петра, не могъ выразиться только однимъ внѣшнимъ образомъ: онъ необходимо проникъ и въ умственную сферу обывателей. И, дѣйствительно, воронежское купечество отличалось, сравнительно съ торговымъ сословіемъ многихъ другихъ губернскихъ центровъ, своею интеллигентностью, такъ что наблюдатель, попавшій въ Воронежъ хотя бы въ первой четверти настоящаго столѣтія, былъ бы удивленъ, встрѣтивъ въ небольшомъ еще тогда городѣ купцовъ, далеко не похожихъ на тѣ лики «суздальскаго письма», представленіе о которыхъ невольно возникало при знакомствѣ съ тогдашнею литературою и съ представителями купеческаго сословія въ другихъ мѣстахъ. Многіе воронежскіе купеческіе «аристократическіе» роды считали свое прошлое промежутками времени въ столѣтіе и болѣе, и изъ нихъ дѣйствительно выходили замѣчательные люди, какъ по образованію, такъ и по той чуткости ко всему доброму и прекрасному, которую они проявляли, напримѣръ, по отношенію къ Кольцову или къ воронежскому же уроженцу И. С. Никитину, страдальческая и искренняя муза котораго, такъ глубоко трогающая душу, не получила еще до сихъ поръ надлежащей оцѣнки.

Кольцовы (отецъ, дѣдъ и прадѣдъ поэта) не принадлежали къ этой купеческой аристократіи, жившей, главнымъ образомъ, въ возвышенной, «богатой» части Воронежа. Они были мелкіе торгаши-прасолы и «шибаи»—и жили испоконъ вѣка въ одной изъ нижнихъ грязныхъ и «плебейскихъ» улицъ города (Гусиновкѣ).

Кто желалъ бы получше ознакомиться съ значеніемъ словъ— мелкій «прасолъ» и «шибай», тотъ пусть прочтетъ скорбную поэму Никитина «Кулакъ». Съ поразительною реальностью, со скорбью о погибающихъ-братьяхъ-людяхъ, со слезами, брызжущими изъ подъ каждой строчки, описана въ этой поэмѣ гнусная, позорная и тяжелая жизнь кулака-шибая... Въ борьбѣ за существованіе, за жизнь впроголодь, «шибай» зубами, какъ звѣрь, готовъ рвать кусокъ хлѣба у такихъ же обездоленныхъ, какъ и онъ, бѣдняковъ, — обманываетъ, обвѣшиваетъ и клянется... Мы сами близко знаемъ эту жизнь и можемъ засвидѣтельствовать, что тяжелѣе и печальнѣе существованія мелкаго шибая или прасола (занятій, соединенныхъ часто въ одномъ лицѣ) трудно себѣ что-нибудь представить... «Шибаи» — это паріи торговаго класса... «Кошкодеръ», «дохлятникъ»—вотъ названія, которыми чествуютъ ихъ и мужики, и торговцы, имѣющіе счастье принадлежать къ болѣе высокому коммерческому рангу...

Едвали ближайшіе предки Кольцова много отличались отъ Лукича (герой поэмы «Кулакъ») характеромъ своей дѣятельности.

Несомнѣнно, и имъ приходилось ѣздить по деревнямъ или на городскихъ базарахъ скупать сало, шерсть, кошекъ, собакъ и проч.,—обвѣшивать, обмѣривать и клясться изъ за грошей. Впослѣдствіи только это мелкое шибайно-прасольское дѣло перешло въ болѣе крупное: въ покупку и выкормъ гуртовъ скота. Эти занятія, продолжавшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, выработали извѣстный типъ, передававшійся по наслѣдству, — упорнаго въ стремленіи къ наживѣ, бойкаго и хитраго торгаша, готоваго обмануть роднаго отца и поступающаго по извѣстнымъ мошенническимъ заповѣдямъ: «не зѣвай», «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ», «не обманешь, — не продашь» и т. д. На сколько прочны черты этого типа при извѣстной обстановкѣ, показываетъ примѣръ самого поэта: одаренный счастливыми способностями, съ искрой божіей въ душѣ, онъ однако до конца жизни не могъ избавиться отъ привычекъ, переданныхъ по наслѣдству и закрѣпленныхъ воспитаніемъ. И эта борьба съ слѣдами прошлаго, этотъ разладъ практики жизни со свѣтлыми идеалами поэзіи, жившими въ сердцѣ поэта, доставляли ему тѣ страданія, которыя и превращали часто его скромную жизнь мѣщанина въ грустную трагедію.

Но, во всякомъ случаѣ, Василій Петровичъ ко времени рож-

денія сына, не за долго передъ тѣмъ выдѣлившись изъ семьи своего отца, былъ уже человѣкомъ достаточнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ покупка имъ дома въ лучшей части города, на Дворянской улицѣ, гдѣ и увидѣлъ божій свѣтъ будущій авторъ «пѣсенъ». Не разъ вѣроятно приходилось отцу поэта, если встрѣчалась надобность, подавать и гильдію, т. е. бывать купцомъ; но это не измѣняло дѣла: онъ оставался «мѣщаниномъ» какъ по образу жизни и привычкамъ, такъ и по платью. Въ данномъ случаѣ «мѣщанство» Кольцовыхъ обозначало не недостатокъ средствъ, а низменность происхожденія и положенія по отношенію къ купеческой «аристократіи» города.

Отецъ поэта едва зналъ грамоту: умѣлъ только читать и писать. Но онъ былъ человѣкъ съ умомъ, съ характеромъ самостоятельнымъ и не мягкимъ. Вообще большой умъ составлялъ какъ бы родовую принадлежность Кольцовыхъ. Природныя качества, вмѣстѣ съ суровымъ характеромъ, не терпѣвшимъ противорѣчій, развились въ Василіѣ Петровичѣ отъ ранней самостоятельной жизни, — такъ какъ онъ почти юношей выдѣлился изъ семьи своихъ родителей,—а также и отъ постоянныхъ удачъ въ торговлѣ. Мать поэта (урожденная Чеботарева) была не грамотна, но красива,—съ добрымъ, мягкимъ сердцемъ и недюжиннымъ умомъ. Поэтъ до конца жизни сохранилъ теплое чувство къ ней и, можетъ быть, та мягкость и гуманность, съ которыми въ своихъ пѣсняхъ относился онъ къ забитому меньшому брату, къ его нуждамъ и радостямъ, составляютъ наслѣдіе, полученное отъ матери, такъ что и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, при болѣе тщательномъ разслѣдованіи, оказалась бы благотворность материнскаго вліянія на поэта, какъ это вообще не рѣдко было со многими талантливыми людьми. Но мягкими чертами только въ извѣстной степени сглаживалась та общая суровая сдержанность поэта, которая перешла къ нему цѣликомъ отъ отца.

Кольцовъ былъ старшій, а впослѣдствіи, когда его младшій братъ, Владиміръ, умеръ, — единственный сынъ Василія Петровича, у котораго, кромѣ того, было нѣсколько дочерей. Это обстоятельство заранѣе предрѣшало будущую судьбу поэта, какъ прямаго помощника отца, продолжателя его торговыхъ дѣлъ и наслѣдника. Въ этомъ же фактѣ кроется и причина той нерѣшительности, которую впослѣдствіи обнаружилъ поэтъ въ вопросѣ: быть-ли ему въ Воронежѣ или уѣхать въ Петербургъ, куда его звали

пріятели. Какъ единственный сынъ, онъ считалъ, съ одной стороны, своею обязанностью быть поддержкою семьи, а съ другой—работалъ и для себя, будучи единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго состоянія. Какъ мы сказали выше, ко времени рожденія Кольцова отецъ его былъ уже человѣкомъ достаточнымъ, извѣстнымъ въ Воронежѣ и пользовавшимся большимъ кредитомъ. Въ пору дѣтства поэта Василій Петровичъ успѣлъ породниться съ купеческой аристократіей; этотъ фактъ уже прямо указываетъ на то, что періодъ мелкаго прасольства для него окончился: онъ выдалъ свою старшую дочь за Башкирцева, одного изъ тѣхъ родовитыхъ и богатыхъ купцовъ, ведшаго обширную торговлю хлѣбомъ, о которыхъ мы говорили. Домъ Кольцовыхъ стоялъ на лучшей городской улицѣ, у нихъ было даже не мало своей «крѣпостной» прислуги. Читатель при этомъ извѣстіи удивится: какимъ образомъ мѣщанинъ, самъ представитель низшаго, податнаго сословія, могъ владѣть «крѣпостными?» Но это была пора, когда «крѣпостными» торговали, какъ товаромъ: ихъ продавали оптомъ, въ розницу и отдавали «на прокатъ». Духовные, купцы, чиновники и мѣщане—всѣ могли владѣть «крѣпостными», пріобрѣтая ихъ на имя знакомыхъ дворянъ или откупая у послѣднихъ на извѣстные сроки. Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго видно, что дѣтство, равно какъ впослѣдствіи и вся жизнь Кольцова—прошли въ достаткѣ, а не въ лишеніяхъ и питаніи впроголодь, какъ это утверждаютъ страстные панегиристы поэта, мало однако знакомые съ фактами.

У маленькаго Алеши была «крѣпостная» няня, ходившая впрочемъ и за другими дѣтьми. Тому факту, что у Кольцова, какъ и у другихъ нашихъ прославившихся поэтовъ, была няня «изъ народа», въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ придавать особеннаго, исключительнаго значенія, какое онъ могъ имѣть у баричей-поэтовъ, знакомившихся съ народною жизнью только урывками и оторванныхъ отъ нея всею обстановкою и привычками. Конечно, разсказы няни, ея сказки и пѣсни могли западать въ чуткую душу ребенка-Кольцова и могли найти тамъ откликъ. Можетъ быть, въ народные обороты, въ простой, но чудесный языкъ его пѣсенъ вошло что-нибудь изъ слышаннаго отъ няни въ дѣтствѣ, когда такъ глубоко западаютъ въ душу всѣ впечатлѣнія; но все-таки для знакомства съ народомъ у Кольцова оказались впослѣдствіи болѣе могущественныя средства: онъ самъ

съ головою окунулся въ океанъ народной жизни; онъ проводилъ цѣлые долгіе мѣсяцы въ деревняхъ, слышалъ народную пѣсню въ широкихъ привольныхъ степяхъ, слышалъ и заунывное причитанье пряхи подъ трескъ догорающей лучины, слушалъ не разъ вой вьюги, застигнутый ею въ дорогѣ, и завыванія голодныхъ волковъ. Нужно сознаться, что не только у лицъ, выступавшихъ на литературное поприще до Кольцова, не было такого опыта и знанія народной жизни, такой непосредственной близости къ ней, но и вообще даже у позднѣйшихъ писателей, претендовавшихъ на знаніе этой жизни, оно встрѣчалось далеко не часто. И въ этомъ заключаются конечно одна изъ причинъ сильнаго дѣйствія поэзіи Кольцова на читателей.

Жизнь ребенка-Кольцова ничѣмъ не выдѣлялась изъ жизни дѣтей мѣщанскаго круга; на воспитаніе его обращалось мало вниманія,—скорѣе никакого,—присмотръ былъ не особенно тщательный: ребенокъ пользовался свободою, бѣгалъ по улицамъ и, какъ это обыкновенно водится, простуживался, ушибался и проч. Товарищами дѣтскихъ игръ мальчика были младшія сестры его и двоюродный братъ. Замѣчательно, что Кольцовъ былъ мальчикъ хотя и способный, но не бойкій и не живой, а флегматичный, ушедшій въ себя. Такимъ онъ и остался на всю жизнь, хотя подъ этою спокойною и сдержанною внѣшностью нерѣдко кипѣли страсти. Ничто въ раннемъ дѣтствѣ не указывало на то, что маленькій Кольцовъ будетъ впослѣдствіи такимъ прославленнымъ поэтомъ,—да это открытіе, еслибы и было сдѣлано, не доставило бы особеннаго удовольствія домашнимъ.

Когда мальчику исполнилось девять лѣтъ, къ нему для обученія грамотѣ пригласили семинариста. Онъ скоро и не дурно приготовился и поступилъ, минуя приходское, въ уѣздное училище, но былъ оттуда взятъ отцомъ изъ втораго класса, въ которомъ учился, перейдя изъ перваго, только 4 мѣсяца. На этомъ ученье Кольцова и покончилось: его знанія были совершенно достаточны, по мнѣнію отца, для той роли, къ которой сынъ предназначался. Но, увы, эти знанія были ничтожны для любознательнаго поэта, что обнаружилось передъ нимъ съ полною ясностью только тогда, когда уже минувшее трудно было поправить... Не смотря на огромную впослѣдствіи и страстную жажду знанія, жизнь, взявшая въ тиски поэта, не дала уже возможности поправить прежнихъ ошибокъ... Такъ и остался бѣдный Кольцовъ

съ тѣми небольшими свѣдѣніями, которыя дала ему плохо организованная школа того времени. И что печальнѣе всего, даже въ той области, гдѣ такъ отличился поэтъ-прасолъ, въ сферѣ слова,—и здѣсь недостаточное образованіе давало себя чувствовать: орфографія Кольцова была ужасна и его произведенія совершенно были бы невозможны въ печати безъ самыхъ рѣшительныхъ поправокъ ихъ въ грамматическомъ отношеніи.

Вѣроятно еще до школы у мальчика проснулись неясно тѣ стремленія, которыя потомъ выразились въ страстной жаждѣ чтенія. Какъ, подъ вліяніемъ какихъ непосредственныхъ причинъ у человѣка вдругъ просыпаетсл могучее влеченіе къ міру мыслей и грезъ, въ область «прекраснаго»,—трудно бываетъ рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ. Но чтобъ эти стремленія явились, подъ вліяніемъ того или другаго импульса, человѣку необходимо родиться съ искрой Божіей. Не мало было въ Воронежѣ дѣтей, обставленныхъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше Алеши Кольцова, но ни одинъ изъ нихъ не далъ того, что впослѣдствіи сдѣлалъ поэтъ. Едва научившись читать, мальчикъ страстно отдается книгамъ: его живое воображеніе увлекается фантастическими образами сказокъ и онъ надъ произведеніями вродѣ «Бовы» и «Еруслана» просиживаетъ цѣлые вечера, перечитывая ихъ по нѣскольку разъ; какъ ни плохи эти аляповатыя сказки, но онѣ открываютъ живому дѣтскому уму такую необъятную область явленій, такую чудную страну вымысловъ, что невольно пріохочиваютъ къ чтенію. И въ этомъ, можетъ быть, заключается не малая доля пользы, приносимой на первыхъ порахъ подобными книжками, окупающая въ значительной степени то «обманное» знакомство съ фактами жизни, которое онѣ даютъ. Кольцовъ на столько пристрастился къ книгамъ, что тратилъ на нихъ деньги, получаемыя отъ отца на игрушки и лакомства.

Въ школѣ любознательность Кольцова получила новый толчекъ: онъ познакомился съ симпатичнымъ мальчикомъ, сыномъ купца Варгина, у котораго была библіотека. Такія натуры, какъ Кольцовъ, на зарѣ своей жизни открываютъ душу для самой беззавѣтной пріязни и дружбы, и только впослѣдствіи суровая дѣйствительность, разбивъ иллюзіи и мечты дѣтства, заставляетъ ихъ быть осторожными и осмотрительными съ людьми... Но пока мальчикъ Кольцовъ страстно отдавался чувству дружбы и вмѣстѣ съ пріятелемъ широко пользовался изъ его библіотеки. Онъ въ засосъ

теперь читалъ романы (Лафонтена, Дюкре-дю-Мениля и др.), а отъ попавшихся ему сказокъ «Тысяча и одна ночь» не могъ оторваться. Послѣдняя книга совершенно очаровала его фантастичностью и плѣнительностью своихъ образовъ: неуклюжія фигуры «Бовы» и «Еруслана» были уже забыты для новыхъ любимцевъ. Будущая страсть къ писательству сказывалась уже и теперь: Кольцовъ старался написать самъ что-нибудь, похожее на прочитанное,—процессъ, бывающій со многими впечатлительными дѣтьми... Но отецъ не за тѣмъ взялъ сына изъ школы, чтобъ онъ «билъ баклуши» надъ книгами: онъ былъ нуженъ ему, какъ помощникъ въ торговыхъ занятіяхъ. И вотъ уже съ ранней молодости вплетается въ міръ грезъ и думъ Кольцова практическая дѣйствительность,—та «проза жизни», которою по преимуществу можетъ быть названа дѣятельность его отца. Мальчикъ поступаетъ въ «науку»: его посылаютъ съ дѣловыми записками къ купцамъ, съ небольшими суммами денегъ, за незначительными покупками и наконецъ отецъ беретъ сына въ степи, къ гуртамъ скота.

Весьма возможно, что и въ эти раннія поѣздки, въ эту «жизнерадостную» пору юности, когда душа жадно вбираетъ въ себя впечатлѣнія, степь очаровала мальчика: ему должны были нравиться ея безбрежные ширь и просторъ, звонкая трель жаворонка въ синемъ небѣ, стада, потонувшія въ безконечномъ зеленомъ морѣ и заунывная мелодія чумацкой пѣсни... Можетъ быть, и тогда уже запали, въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, въ отзывчивую душу Кольцова тѣ краски и звуки, которыми такъ дѣйствуетъ природа на людей.

Такъ проходило отрочество поэта: пріѣзжая изъ степи въ городъ, онъ набрасывался на книги, переходя такимъ образомъ отъ одного наслажденія къ другому. Но и тутъ уже къ мальчику подкралась бѣда: другъ его Варгинъ умеръ, завѣщавъ пріятелю до 70 книгъ. Тѣсное чувство связывало друзей, и легко понять печаль Кольцова о пріятелѣ, которому онъ повѣрялъ свои думы, съ которымъ вмѣстѣ провелъ за чтеніемъ нѣсколько лѣтъ... Памятью этой первой дружеской привязанности остается стихотвореніе «Ровеснику». Но конечно печаль въ такіе ранніе годы не можетъ быть долговѣчною: жизнь беретъ свое... И Кольцовъ понемногу забываетъ о своемъ пріятелѣ, гарцуя по степи и поглощая съ жадностью книги въ городѣ. Наконецъ, будучи уже 16—17 лѣтъ, онъ покупаетъ на толкучкѣ стихотворенія Дмитріева. Для юноши, никогда еще не читавшаго стиховъ, но знав-

шаго много пѣсенъ и пѣвшаго ихъ, такая покупка была цѣлымъ откровеніемъ: она какъ бы отвѣчала на запросы души, жаждавшей «сладкихъ звуковъ и молитвъ».

Кольцовъ бросился съ своимъ сокровищемъ въ садъ и сталъ не читать Дмитріева, а... пѣть! Подмѣтивъ сходство стиховъ съ пѣснями, онъ полагалъ, что стихи, какъ и знакомыя ему пѣсни, нужно пѣть; и отъ этой привычки не могъ освободиться даже послѣ, читая всегда сильно на-распѣвъ... Какъ ни смѣшна вышеприведенная сцена, но въ образѣ увлеченнаго юноши, распѣвающаго стихи, есть что-то наивно-трогательное. Кольцову очень понравилась гармонія стиха и созвучія риѳмъ. Эта случайная покупка на толкучкѣ книги Дмитріева рѣшила участь Кольцова: въ немъ пробудилось такое страстное желаніе писать стихи, что оно превозмогло всѣ препятствія... Пьесы Дмитріева юноша заучивалъ наизусть, въ особенности ему понравился «Ермакъ». Вскорѣ представился Кольцову и матеріалъ для того, чтобъ излиться самому въ риѳмованныхъ звукахъ; но это, при незнаніи того, что̀ такое стихъ и какое его отличіе отъ прозы, представляло адски-головоломную, каторжную работу, и только поэтическимъ врожденнымъ талантомъ, инстинктивнымъ стремленіемъ къ подобной дѣятельности можно объяснить то упорство, съ которымъ поэтъ стряпалъ, обливаясь потомъ, свои первыя вирши.

Пріятель Кольцова видѣлъ сонъ, снившійся ему три ночи сряду, который и разсказалъ прасолу. Сначала пріятелю приснилась молодая дѣвушка рѣдкой красоты съ требованіемъ жениться на ней; во 2-й разъ она явилась взрослою женщиной и въ 3-й— старухою, грозившею за ослушаніе... Тема довольно романтическая. Цѣлую ночь просидѣлъ Кольцовъ въ своей комнаткѣ, выходившей окнами въ небольшой, но тѣнистый садъ при домѣ, надъ первою стихотворною пьесою «Три видѣнія», изображавшею случай, приключившійся съ пріятелемъ. Но какъ же совершилъ эту работу Кольцовъ, не зная правилъ стихосложенія? Онъ взялъ одну изъ пьесъ Дмитріева и сталъ подгонять къ ней свою работу. Трудно дались ему первыя строчки, но потомъ пошло легче и такимъ образомъ получилось чудовищно-нелѣпое стихотвореніе, настолько безобразное, что впослѣдствіи Кольцовъ даже Бѣлинскому, съ которымъ вообще былъ очень откровененъ, стыдился показать его, говоря, что оно уничтожено...

Но несомнѣнно, въ первое время по сооруженіи пьесы Коль-

цовъ испытывалъ авторскую гордость, по размѣрамъ, можетъ быть, не уступавшую той, съ какою величайшіе геніи созерцаютъ свои совершеннѣйшія произведенія. У Кольцова были «свои» стихи, онъ самъ можетъ «сочинять»,—а это сознаніе стоило чего-нибудь! И за первымъ опытомъ естественно послѣдовали дальнѣйшіе: плодъ безсонныхъ ночей, при робкомъ мерцаніи свѣчи или даже только при лунѣ, изъ боязни отца, сначала не совсѣмъ благосклонно относившагося къ «баловству» сына. И сколько юношескихъ восторговъ видѣла, можетъ быть, комната мальчика, и какимъ была она частымъ, но нѣмымъ свидѣтелемъ страстныхъ порываній его въ запретную, но дивную область поэтическихъ грезъ и видѣній!

Такъ Кольцову пошелъ 18-й годъ, между тѣмъ отцовское дѣло росло, и помощь сына была все нужнѣе и нужнѣе... Будущій поэтъ вступилъ въ торговую сферу, какъ полноправный ея гражданинъ. При такихъ условіяхъ Кольцовъ могъ читать и писать только урывками, часто тайкомъ отъ отца. Но кромѣ этого, поэтическій трудъ былъ неблагопріятно обставленъ въ томъ отношеніи, что юноша ни къ кому не могъ обратиться за совѣтомъ и разрѣшеніемъ возникавшихъ сомнѣній. Онъ былъ, какъ въ потемкахъ: кругомъ не имѣлось лицъ, способныхъ дать указанія, способныхъ оцѣнить его, достававшіяся тяжелымъ трудомъ, работы... У прасола еще не было друзей, нравственная поддержка которыхъ могла бы заставить забыть окружающія невзгоды, мѣшавшія работѣ... Натура страстная, открытая для всѣхъ благородныхъ чувствъ,—до горькаго опыта послѣдующей жизни,—Кольцовъ болѣе другихъ нуждался въ этой поддержкѣ, въ подъемѣ чувства, чтобъ вынянчить свои прекрасныя пѣсни... Для «звуковъ сладкихъ и молитвъ» былъ слишкомъ неудобенъ шумъ грязныхъ базаровъ съ ихъ руганью, божбою изъ-за копѣекъ и надувательствомъ... Кольцову для развитія его таланта была нужна другая обстановка: величавое спокойствіе природы, ея яркія краски, золотые лучи солнца, разгулъ свободнаго вѣтра и безбрежное зеленое море — степь... Еслибы онъ на-долго не уединялся отъ мелочной, грязной жизни базара; если бы онъ не лелѣялъ своихъ думъ и поэтическихъ грезъ на вольномъ просторѣ, вдали отъ торгашескаго шума жизни, — можно навѣрно сказать, что въ русской поэзіи не было бы тѣхъ чарующихъ звуковъ, какими такъ богаты пѣсни Кольцова.

ГЛАВА II.

Степь, дружба и любовь.

Красота степи. — Вліяніе природы на поэтическую душу. — Степной океанъ. — Дѣятельность Кольцова въ степи. — Молодечество «прасоловъ».—Опасности кочевой степной жизни. — Степь, какъ отвлеченіе отъ торгашества на базарахъ.—Чтеніе и писательство въ степи.—Жизнь въ городѣ. — Отсутствіе руководителя въ поэтической дѣятельности.— Д. А. Кашкинъ.—Оживленіе провинціи.—«Кружки» и поэты.—«Здравый смыслъ» Кольцова.—Избытокъ юныхъ силъ. — Любовь къ «Дуняшѣ».—Печальная развязка.—Слѣды романа Кольцова въ его поэзіи.— Дружба съ Серебрянскимъ. — Благотворность ея вліянія на поэта. — Вечера у семинаристовъ съ «гуслями».—Чарующій образъ Серебрянскаго.—Мѣстная извѣстность «стихотворца» Кольцова. — «Жизнерадостная» молодость — лучшее время жизни поэта. — Подготовленность Кольцова къ общественному служенію перомъ.

Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,—
Къ морю Черному
Понадвинулась...

Такъ описывалъ Кольцовъ своего друга—степь. Чудною, наивною прелестью дышетъ отъ всѣхъ кольцовскихъ описаній природы: степи, поля, лѣса. Непосредственная простота этихъ описаній, такъ вѣрно передающая явленія природы и ея дѣйствіе на людей, глубоко западаетъ въ душу читателя. И эти прекрасныя строки могли выйти изъ-подъ пера поэта-прасола только потому, что онъ жилъ близкою жизнью со степью и полемъ. Имъ онъ обязанъ своими лучшими вдохновеніями.

Если природа глубоко вліяетъ на цѣлые народы, опредѣляя ихъ культуру и характеръ; если «власть земли» обусловливаетъ

собою формы общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ отношеній цѣлой массы крестьянства, отношеній, часто очень сложныхъ, то вліяніе природы, ея красоты и величія, ея порою грозныхъ силъ на поэтическую, воспріимчивую душу — неоспоримо. Вспомнимъ Лермонтова: въ первый разъ, когда онъ, почти ребенкомъ, попалъ на Кавказъ, его дѣтская душа такъ глубоко поразилась впечатлѣніями тамошней природы, что отзвуки этихъ впечатлѣній наполняли его грудь долго спустя и выливались въ страстныхъ и могучихъ стихахъ... А потомъ, во время послѣдующихъ ссылокъ поэта, кавказская природа, служившая какъ бы нѣмымъ укоромъ людской низменности и пошлости, еще болѣе плѣняла пѣвца «Демона» и давала ему поводъ создавать своихъ могучихъ, какъ чудные исполины Кавказа, героевъ... И этому вліянію кавказской природы на Лермонтова русская или, лучше сказать, міровая поэзія обязана безсмертными и вдохновенными созданіями, которыми будутъ наслаждаться еще многія грядущія поколѣнія...

Такъ было и съ Кольцовымъ... Намъ знакомы тѣ степи, расположенныя въ предѣлахъ Воронежской и частью сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, гдѣ когда-то гулялъ поэтъ-прасолъ съ гуртами скота и трепетно внималъ переливающимся звукамъ пѣсни косаря и томному напѣву чумака. Конечно, нынѣшнія степи только слабый намекъ на тѣ необозримыя пространства земли, лежавшія подъ «ковылемъ-травою» въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Этотъ когда-то «зеленый океанъ» теперь значительно обмелѣлъ; со всѣхъ сторонъ надвигается на него жизнь; онъ застраивается селами; народонаселеніе увеличивается... Но и теперь красота этихъ степей, гдѣ подъ распашку идетъ только $^1/_6$—$^1/_5$ часть всей земли, а остальная лежитъ подъ травою, поражаетъ. Въ необозримую даль уходитъ слегка волнующееся зеленое море, изрѣдка только сверкаетъ подъ теплымъ солнцемъ на этомъ зеленомъ фонѣ крестъ сельской колокольни... Въ синей выси заливаются невидимые жаворонки, а по вечерамъ и ночамъ въ поляхъ гремятъ перепела... Маленькіе лѣски, какъ острова на морѣ, темнѣютъ вдали. Воздухъ, напоенный ароматомъ поспѣвающихъ травъ, жадно, полною волною вдыхается грудью и живительно дѣйствуетъ на утомленные городскою сутолокою нервы... Хороша степь и тогда, когда на ней зазвенятъ косы и запестрѣютъ группы отбывающихъ «страду» людей, или когда въ теплыя лѣтнія ночи на ея необозримомъ просторѣ замелькаютъ привѣтные огоньки ко-

стровъ... Въ лунную весеннюю или лѣтнюю ночь, когда степныя озера сверкаютъ подъ легкою дымкою тумана и сметанные стога стоятъ, задумавшись, какъ сказочные великаны,—степная природа полна такого очарованія, отъ нея дышетъ такою волшебною тайной, что эти ночи, можно сказать словами поэта:

Наводили сны,—
Сны волшебные;
Уносили въ край
Заколдованный...

И Кольцовъ несомнѣнно испытывалъ это обаяніе степной природы. Ему приходилось теперь проводить цѣлые мѣсяцы въ степи, съ рѣдкими заѣздами въ городъ. Онъ зналъ и восходъ солнца надъ этимъ зеленымъ моремъ, и глубокую степную ночь съ яркими звѣздами, и жгучій, палящій полдень... Онъ зналъ всѣ переливы красокъ степи, и всѣ мелодіи ея воздушныхъ пернатыхъ обитателей. Что онъ глубоко любилъ степь и понималъ ея красоты—доказываетъ его поэзія.

Къ этому времени, т. е. когда Кольцову было 18—20 лѣтъ, дѣла его отца расширились и сыну приходилось быть уже настоящимъ помощникомъ Василія Петровича: онъ ѣздилъ покупать скотъ, снималъ пастбища для корма его и пасъ отцовскіе гурты въ степи, будучи уже главнымъ распорядителемъ ихъ. Иногда приходилось по цѣлымъ днямъ не слѣзать съ лошади и перекочевывать со стадами съ мѣста на мѣсто. Прасольство не лишено было своего молодечества: вихремъ мчаться по степи, на встрѣчу вольному вѣтру, когда сердце сладко замираетъ; состязаться въ ухарствѣ съ товарищами и приказчиками—все это давало пищу геройству, нерѣдко имѣющемуся въ груди у молодежи, выросшей на волѣ и свободѣ... Порою эта жизнь была не безъ опасностей: разъ Кольцовъ еще мальчикомъ полетѣлъ на всемъ скаку съ лошади и это, кажется, сдѣлало его на всю жизнь сутулымъ. Разъ его, по разсказу Бѣлинскаго, хотѣлъ убить въ степи работникъ. Въ глухія ночи около поэта бродили волки. Но даже всѣ эти опасности манили поэтическую душу молодаго прасола и отвѣчали той жаждѣ бурныхъ впечатлѣній, которая наполняла его грудь. Иногда приходилось быть подъ дождемъ, въ грязи, цѣлые дни; порою холодный степной вѣтеръ пронизывалъ до костей; но молодость и крѣпкое сложеніе брали свое: Кольцовъ

почти никогда не болѣлъ до той роковой болѣзни, которая свела его въ могилу... И даже въ эти ненастные, холодные дни—какъ привѣтно мелькалъ огонекъ въ темной степи,

Гдѣ спѣла каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака!

А красота степи весною и лѣтомъ съ избыткомъ вознаграждала за печальные дни осенняго ненастья.

Имѣлись и еще причины, по которымъ поэтъ долженъ былъ любить степь: она отвлекала его отъ базарныхъ дрязгъ, отъ божбы и обмана, отъ жалкой борьбы и погони за грошами. А что мелкая кулаческая дѣятельность должна была казаться поэту несимпатичной—въ этомъ трудно сомнѣваться: привычки и условія жизни поставили Кольцова въ необходимость быть торгашемъ, но культа изъ этого занятія онъ создать себѣ не могъ. Въ величавомъ просторѣ степи умолкали воспоминанія о сутолокѣ базара, а печальное ремесло торгаша принимало болѣе благородную форму... Однако мы должны указать и на неудобства степной жизни: здѣсь не было у Кольцова пріятелей, въ кружкѣ которыхъ въ городѣ онъ отдавался стихамъ; не было библіотеки, да и неудобно было много читать. Впрочемъ иногда онъ бралъ книги съ собою и въ степь, а стихи писалъ и подъ стогомъ сѣна, и подъ кустами,—такъ, мы знаемъ, что «Алеху, прасольскаго сына» застали за сочиненіемъ стиховъ въ степи два проѣзжавшіе мимо офицера. Что степь и вообще природу Кольцовъ горячо любилъ и прибѣгалъ къ ней, какъ къ вѣрному другу, не только юношей, душа котораго отзывчивѣе ко всѣмъ впечатлѣніямъ, но и тогда, когда уже жизнь значительно его потрепала, когда энтузіазмъ заглохъ и сердце начинало черствѣть,—это доказывается позднѣйшими письмами поэта къ Бѣлинскому: «Хорошее лѣто,—писалъ Кольцовъ критику,—славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь—все прекрасно, чудесно, очаровательно, и я жизнію живу и тону своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта»!.. «Степь опять очаровала меня... Я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею... какъ она хороша показалась!»

Но въ описываемое время молодому Кольцову и въ городѣ выпадало не мало хорошихъ дней. Мы его оставили тамъ за чтеніемъ стиховъ и надъ потугами за писаніемъ ихъ. Прозу теперь онъ читалъ неохотно и покупалъ только книги, написанныя стихами. Въ существовавшей уже и тогда въ Воронежѣ книжной

лавкѣ прасолъ вскорѣ пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича и др. Онъ много писалъ, подражая въ стихосложеніи вновь купленнымъ произведеніямъ. Стиховъ у него накопилось уже не мало, но не было судьи, на приговоръ котораго онъ могъ-бы положиться. И вотъ наконецъ, побѣдивъ свою робость, застѣнчивый и неловкій юноша Кольцовъ рѣшается обратиться къ книгопродавцу, у котораго пріобрѣталъ книги: краснѣя, вручаетъ онъ ему свои «Три Видѣнія» и нѣсколько другихъ стихотвореній съ просьбою прочитать ихъ и дать отзывъ.

Этотъ книгопродавецъ былъ—Дм. Ант. Кашкинъ, человѣкъ, въ свою очередь, интересный и замѣчательный. Пробивши себѣ дорогу тяжелымъ трудомъ, Кашкинъ, не получившій никакого школьнаго образованія, не заглушилъ однако въ этой борьбѣ съ суровыми условіями жизни стремленія своей души къ свѣту, когда все еще кругомъ утопало въ кромѣшной тьмѣ. Онъ, при незначительныхъ средствахъ, съумѣлъ дать своимъ дѣтямъ солидное образованіе и нѣкоторые изъ нихъ и теперь еще извѣстны (напр., профессоръ Московской консерваторіи), какъ даровитые люди.

Скромный книгопродавецъ съумѣлъ даже быть свѣточемъ для поэта Кольцова, при началѣ поэтическаго поприща послѣдняго. Кашкинъ обладалъ чуткою и симпатичною душею. Когда пришелъ къ нему плохо одѣтый, невзрачный мальчикъ Кольцовъ съ завѣтною тетрадкою, Кашкинъ не посмѣялся надъ нимъ: онъ обласкалъ его, разрѣшилъ безплатное пользованіе своей библіотекой при магазинѣ и подарилъ ему, для того чтобъ тотъ лучше научился правиламъ стихосложенія, «Русскую Просодію». Правда, онъ нашелъ первые опыты поэта неудачными, но ободрилъ юношу и поощрялъ на дальнѣйшее писательство.

Мальчикъ горячо привязался къ оригиналу-книгопродавцу, постоянно бывалъ у него въ магазинѣ, рылся въ книгахъ, посѣщалъ его и на дому. Посѣтители магазина Кашкина часто встрѣчали тамъ одѣтаго въ засаленный нагольный полушубокъ или старую чуйку юношу Кольцова, съ любопытствомъ разсматривающаго или читающаго что-нибудь новое. Знакомство съ Кашкинымъ было очень важно для поэта: оно служило для него образовательною школою;а то обстоятельство, что Кашкинъ поощрялъ опыты юноши и исправлялъ ихъ, давало начинающему стихотворцу силу не отчаяваться въ своемъ призваніи.

Здѣсь мы должны сказать, что замѣчанія о Кашкинѣ въ из-

вѣстной біографіи Кольцова, написанной Бѣлинскимъ, не точны и составлены, вѣроятно, по послѣднимъ отзывамъ поэта объ одномъ изъ первыхъ его друзей и наставниковъ, съ которымъ однако Кольцовъ, по своей винѣ, впослѣдствіи разошелся. Кашкинъ былъ человѣкъ начитанный, чуткій и знавшій несомнѣнно толкъ въ поэзіи, такъ что онъ не могъ играть той роли, какую ему приписалъ Бѣлинскій, и оказаться будто-бы не въ состояніи отмѣтить недостатки стиховъ поэта-юноши, отдѣлавшись отъ него только «Просодіей». Напротивъ, несомнѣнно, что Кашкинъ не только исправлялъ Кольцова, но и давалъ ему темы, подробно обсуждалъ съ нимъ все, относящееся до поэзіи, и вообще имѣлъ большое вліяніе на его развитіе. Это ясно подтверждается многими свидѣтельствами и между прочимъ черновыми тетрадями поэта, гдѣ есть, посвященныя книгопродавцу, восторженно-благодарныя стихотворенія. Даже извѣстные стихи къ Серебрянскому:

Не посуди, чѣмъ я богатъ—
Послѣднимъ подѣлиться радъ—

въ сущности, въ помянутыхъ выше тетрадяхъ, посвящались Кашкину. Но потомъ, когда поэтъ, избалованный своимъ успѣхомъ у литературныхъ свѣтилъ, вздумалъ довольно не тактично и свысока третировать прежнихъ друзей и тѣ разошлись съ нимъ,—эта пьеска была посвящена Серебрянскому.

Кашкинъ, помимо личнаго благотворнаго вліянія на поэта, сослужилъ еще службу для него и тѣмъ, что былъ, такъ сказать, дверью для входа его въ литературные кружки, которыхъ считалось тогда нѣсколько въ Воронежѣ.

Подъ вліяніемъ первыхъ симпатичныхъ лѣтъ царствованія Александра I и знакомства, благодаря болѣе живому общенію съ западомъ, съ богатою европейскою литературою и общественными порядками, въ русское общество, какъ извѣстно, хлынулъ потокъ новыхъ идей, проникшихъ и въ глухую провинцію. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства и, въ частности, подъ обаяніемъ блестящей славы Пушкина, въ Воронежѣ, какъ и въ другихъ городахъ на Руси, возникъ интересъ къ литературѣ и чтенію и образовались литературные кружки, группировавшіеся около Кашкина и другихъ лицъ, а также въ семинаріи и гимназіи. Здѣсь читались поэты, происходили споры, обсуждались стихотворенія членовъ кружка и слушались послѣднія литературныя новости. Кружки

издавали рукописные «альманахи», гдѣ поэтами часто фигурировали лица купеческаго сословія. Кольцовъ, черезъ Кашкина, бывалъ у этихъ лицъ, присутствовалъ въ собраніяхъ «кружковъ», знакомъ былъ напр. съ молодымъ Придорогинымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ другомъ Никитина. Вообще время съ 1825 по 1830 г.,—время «избытка жизни», пора духовнаго и физическаго роста поэта – было важною эпохою въ его развитіи. Тутъ въ немъ окончательно окрѣпло стремленіе къ творчеству, поощряемое его новыми знакомыми. Въ эти годы онъ испыталъ первую любовь и ихъ же освѣтила теплая и искренняя дружба поэта къ Серебрянскому.

Несомнѣнно, и тщеславіе могло играть извѣстную роль въ стремленіи Кольцова писать стихи: онъ желалъ такимъ образомъ отличиться передъ другими членами кружковъ, желалъ показать, что и онъ «не лыкомъ шитъ», а «сочинитель». И теперь еще въ нашей провинціи имѣются «поэты» и «кружки», упорствующіе въ сочинительствѣ, когда ни форма, ни содержаніе ихъ работъ не оправдываютъ этого упорства. Поэты подобнаго сорта, произведенія которыхъ—увы!—такъ изобильно заполняютъ собою корзины редакцій и страницы «почтоваго ящика» періодическихъ изданій,—въ сущности, весьма похожи на Чичиковскаго Петрушку: очень, правда, хитрая штука—приставилъ строчку къ строчкѣ, рифму состряпалъ—и выходитъ «стихъ»! Право назвать себя «сочинителемъ» или «стихотворцемъ» до сихъ поръ цѣнится даже въ медвѣжьихъ углахъ нашего обширнаго отечества. Это явленіе указываетъ на то уваженіе къ представителямъ «слова», которое хотя медленно, но все-же проникаетъ въ массу. Повторяемъ, извѣстное тщеславіе могло играть роль и у Кольцова, когда онъ началъ писать много стиховъ. Но все-таки мы тутъ имѣемъ дѣло съ настоящимъ поэтомъ, у котораго «кровь кипѣла» и былъ «избытокъ силъ», сумѣвшій бы найти дорогу, несмотря на препятствія: среди безсвязныхъ виршей прасола начинаютъ уже попадаться простые, чистые звуки, въ которыхъ можно узнать будущаго Кольцова... И сама жизнь поэта въ эту пору давала источникъ для поэтическихъ вдохновеній. Въ городѣ Кольцовъ часто посѣщалъ зятя своего Башкирцева, гдѣ домъ былъ поставленъ на болѣе свѣтскую ногу: тамъ нерѣдко устраивались игры, пѣсни, чтенія. Отецъ поэта, сначала-было косившійся на книги и занятія сына «пустяками», примирился съ этимъ, когда увидѣлъ, что онъ и дѣломъ занимается хорошо.

Мы должны, по поводу этихъ занятій поэта торговымъ дѣломъ, обратить вниманіе на замѣчательное и счастливое соединеніе въ Кольцовѣ «здраваго смысла»,—основательности и положительности, — съ поэзіей. Не всегда эти качества совмѣщаются въ одномъ лицѣ, но у него такое совмѣщеніе было и оно отразилось почти на всѣхъ его произведеніяхъ съ ихъ «трезвенною» правдою, реальностью, съ яснымъ и точнымъ пониманіемъ дѣла, о которомъ поэтъ пишетъ. Кольцовъ выросъ въ торговой средѣ, привыкая къ ней чуть не съ пеленокъ. И въ эту сферу онъ конечно не могъ не внести своихъ способностей. Мы еще выше отмѣчали примиряющія и даже поэтическія стороны прасольства: поѣздки по степямъ, заѣзды въ деревни, пирушки и хороводы тамъ. Во всякомъ случаѣ, добрая половина торговой дѣятельности Кольцова за это время могла захватывать живыя стороны его характера... Но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ получилъ отъ отца его практичность, зналъ цѣну копѣйкѣ и въ эмпиреи не ударялся... Но, указывая на эту «трезвенность» поэта въ дѣлахъ практическихъ, мы не должны забывать, что у него, помимо торговли, была «святая-святыхъ»,—міръ его поэтическихъ грёзъ и творчества.

«Практичность» и «положительность» Кольцова (значительно, замѣтимъ, смягченныя Бѣлинскимъ) объясняютъ то явленіе, что многіе петербургскіе и московскіе литераторы не могли, при встрѣчахъ съ прасоломъ, когда Станкевичъ и Бѣлинскій «вывозили» его въ свѣтъ,—примириться съ мыслью, что передъ ними поэтъ, а не простой торговецъ.

Катковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Кольцовѣ сообщаетъ, что поэтъ даже щеголялъ практичностью и съ нѣкоторымъ ухарствомъ разсказывалъ о своихъ торговыхъ продѣлкахъ, какъ онъ «надувалъ» неопытныхъ покупателей и продавцовъ.

— Ужъ если торгуешь, все норовишь похитрѣе дѣло обдѣлать: руки чешутся! говорилъ прасолъ.

— Ну, а если-бы вы, Алексѣй Васильевичъ, съ нами имѣли дѣло,—спросилъ Бѣлинскій,—и насъ-бы надули?

— И васъ, — отвѣчалъ Кольцовъ, — ей Богу, надулъ-бы... Можетъ быть, и вдвое потомъ - бы назадъ отдалъ, а не утерпѣлъ-бы: надулъ!

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Кольцовъ еще глубоко не задумывался надъ своимъ положеніемъ и «бралъ отъ жизни все, что она можетъ дать» Юность дѣлала свое. Силы

кипѣли, избытокъ ихъ искалъ себѣ выхода. Это время, кажется, было самымъ лучшимъ временемъ жизни Кольцова. Запросы его натуры находили удовлетвореніе; степь несла ему свои просторъ и красу; онъ былъ не только принятъ въ «кружкахъ» стихотворцевъ изъ воронежской молодежи, но уже отмѣчался въ нихъ, какъ талантливый авторъ. Наконецъ эту пору его жизни украсили самыя прекрасныя вещи на землѣ — любовь и искренняя дружба, наложившія такой поэтическій отпечатокъ на дальнѣйшее существованіе Кольцова и его произведенія.

Флегматичный и сдержанный по виду, Кольцовъ былъ однако способенъ на проявленіе горячей страсти,—и для нея скоро нашлась подходящая пища въ самой семьѣ поэта. У Кольцовыхъ жила прислуга (крѣпостная), у которой была дочь Дуняша, замѣчательная красавица. Она состояла постоянно при сестрахъ поэта и росла больше въ положеніи ихъ подруги, чѣмъ горничной. На красавицу заглядывалась вся улица и, понятно, близость страстнаго Кольцова къ Дуняшѣ не могла повести къ добру: онъ полюбилъ дѣвушку со всѣмъ пыломъ юности, со всей энергіею чувства, на какую только способенъ 18—19 лѣтній возрастъ. Дуняша отвѣчала взаимностью, хотя и скрывала это отъ сестеръ. Есть слухъ, что она разсчитывала на замужество съ хозяйскимъ сыномъ. Но конечно планъ женить сына на «крѣпостной» не входилъ въ голову Василія Петровича, который уже снова мечталъ породниться съ представителями родовитаго купечества. И этотъ горячій, страстный романъ, послѣдствія котораго, кажется, начинали обнаруживаться въ положеніи дѣвушки, окончился печально: Дуняшу вмѣстѣ съ матерью продали какому-то донскому помѣщику во время отлучки ея милаго по дѣламъ. Возвратившись изъ поѣздки, поэтъ уже не нашелъ Дуняши. Это его такъ потрясло, что онъ заболѣлъ и, едва оправившись, бросился на поиски. Впослѣдствіи оказалось, что Дуняша была замужемъ за казакомъ въ какой-то станицѣ. Но слова Бѣлинскаго, что она «умерла въ мукахъ жестокаго обращенія», едва-ли справедливы. Напротивъ, положительно извѣстно, что Дуня жила счастливо и послѣ смерти Алексѣя Васильевича пріѣзжала къ его роднымъ. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ съ Кольцовымъ далъ русской поэзіи нѣсколько безцѣнныхъ перловъ. Жизнь исполнена странныхъ противорѣчій. Любовныя страданія поэта, вылившись въ прелестныхъ стихахъ, заставляли читателей захлебываться

отъ восторга и наслажденія. Поэтъ, въ нынѣшнемъ обществѣ, терзаясь и умирая отъ мученій, но изливая ихъ въ красивыхъ и прочувствованныхъ строфахъ, получаетъ отъ толпы, какъ въ римскомъ циркѣ умирающій въ красивой позѣ гладіаторъ, восторженныя рукоплесканія и одобренія...

Этотъ грустный романъ съ красавицей Дуняшей,—дѣвушкой съ тяжелыми русыми косами и карими глазами,—отдававшей свои ласки поэту, оставилъ неизгладимый слѣдъ въ поэзіи Кольцова и согрѣлъ его жизнь однимъ изъ самыхъ радужныхъ воспоминаній. Слѣды этого романа остались въ прекрасныхъ, глубоко-прочувствованныхъ стихахъ, обошедшихъ въ книжкахъ и романсахъ всю Русь. Слѣдъ этого эпизода видѣнъ напримѣръ въ «Послѣднемъ поцѣлуѣ». Кому неизвѣстны прекрасные стихи:

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй!
. . . .

Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой:
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!

А эти чудныя строфы «Разлуки»:

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую...
Былъ въ глазахъ ея небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь!

Но юность опять таки взяла свое: Кольцовъ оправился отъ постигшаго его горя. А тутъ, какъ-бы въ подмогу силамъ молодости, подоспѣло и еще новое чувство, — дружба къ Серебрянскому.

Дружба съ Андреемъ Порфирьевичемъ Серебрянскимъ должна быть отмѣчена въ жизни Кольцова, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и плодотворныхъ событій. Есть такіе люди, которые какой-то необъяснимой тайной влекутъ къ себѣ всѣ сердца, толпа единогласно признаетъ ихъ «вождями» и подчиняется съ наслажденіемъ производимому ими обаянію. Серебрянскій, ровесникъ Кольцова, былъ однимъ изъ такихъ людей. Кра-

сивое, симпатичное лицо и задушевный голосъ сразу привлекали къ нему сердца. Сынъ священника, онъ, по обычаямъ среды, къ которой принадлежалъ, поступилъ въ семинарію, но сушь и схоластика тогдашней семинарской школы не заглушили въ немъ блестящихъ дарованій. Его сильный и вмѣстѣ живой умъ, легко справляясь со всѣми тонкостями семинарскаго богословія и философіи, горячо увлекался всякою «злобою дня» и отдавался интересамъ текущей литературы. Любимецъ учителей, признававшихъ въ немъ громадныя дарованія, кумиръ молодежи, натура глубоко прекрасная и искренняя, съ поэтическимъ талантомъ, Серебрянскій не могъ не вліять на Кольцова, и поэтъ-прасолъ привязался со всею силою молодаго, неиспорченнаго еще чувства, на какое только былъ способенъ тогда, къ новому пріятелю.

По современному разсказу, окончательное знакомство Кольцова съ Серебрянскимъ произошло въ гостинницѣ, около рощи, на берегу Воронежа, гдѣ часто гуляла учащаяся молодежь. Поэтъ зашелъ въ эту гостинницу, гдѣ собрался въ особой комнатѣ кружокъ семинаристовъ. Кольцовъ, вѣроятно встрѣтившій знакомыхъ въ этой компаніи, вступилъ съ ними въ разговоръ. Говорили о послѣднихъ появившихся книгахъ и спросили между прочимъ Кольцова, что́ ему изъ прочитаннаго за послѣднее время больше понравилось.

— Письмовникъ Курганова — очень интересная книга, заявилъ скромный поэтъ.

Это вызвало насмѣшки. Тогда всталъ Серебрянскій и въ блестящей импровизаціи, со свойственнымъ ему юморомъ, сказалъ «похвальное слово» Курганову, что́ вызвало страшный хохотъ окружающихъ и сконфузило Кольцова. Серебрянскій, любившій иногда пройтись шутливо надъ слабостями ближняго, но обладавшій нѣжнымъ сердцемъ, замѣтилъ неловкость положенія поэта и постарался замять эту сцену. Кольцовъ, раньше еще знавшій о Серебрянскомъ, ушелъ совершенно очарованный новымъ знакомствомъ... Это свиданіе на берегу рѣки, въ гостинницѣ, положило начало ихъ долгой и искренней дружбѣ.

И это было цѣнною находкою для Кольцова. Живой, начитанный и образованный Серебрянскій являлся во многомъ учителемъ для прасола, тѣмъ болѣе незамѣнимымъ, что въ отношеніяхъ учителя къ ученику не проявлялось педантизма профессіональнаго наставника, а было свободное, живое и равноправное общеніе. Се-

ребрянскій ввелъ друга въ свой семинарскій кружокъ, гдѣ былъ самъ виднымъ дѣятелемъ и считался знаменитымъ поэтомъ. Кружокъ часто собирался у кого-нибудь изъ членовъ; тамъ читали стихи, говорили рѣчи, спорили до утра, играли на гусляхъ и подъ аккомпаниментъ этого нашего стариннаго инструмента баяновъ пѣли народныя пѣсни. Духовенство, сохранившее, какъ замкнутое сословіе, въ наибольшей чистотѣ великорусскій типъ, было само плотью отъ плоти народной. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что эти вечера съ семинаристами, пѣвшими широкія народныя мелодіи, подъ звонъ старинныхъ гуслей, были полны впечатлѣній, которыя, вмѣстѣ съ другими вліяніями, толкали Кольцова къ русской пѣснѣ, въ которой онъ впослѣдствіи сталъ незамѣнимъ. А споры людей, прошедшихъ извѣстную умственную гимнастику и обнаруживавшихъ иногда тонкую діалектику, должны были расширять умственные горизонты молодаго прасола и изощрять его собственное мышленіе. Въ кружкѣ Серебрянскаго были представители всевозможныхъ умственныхъ направленій, имѣлись и атеисты...

Въ этомъ кружкѣ вѣрующій и надѣющійся Серебрянскій прочиталъ свою поэму «Безсмертіе», причемъ одинъ постоянный его оппонентъ-атеистъ поклонился ему въ ноги за поэтическое доказательство «вѣчной жизни». Вѣроятно, этотъ же кружокъ впервые запѣлъ прекрасную пѣсню Серебрянскаго, облетѣвшую всю нашу родину, — пѣсню, которая и теперь еще слышится, когда сходится молодежь:

Быстры, какъ волны,
Дни нашей жизни!
Что день, то короче —
Къ могилѣ нашъ путь..

Тутъ же, въ этомъ кружкѣ, нервный Серебрянскій при чтеніи стихотворенія Ѳ. Н. Глинки «Земная грусть» залился слезами... Всѣ эти черты рисуютъ плѣнительно-чарующій образъ Кольцовскаго друга. Такіе люди, съ ихъ горячею вѣрою въ идеалы, теплою и любящею душею, какъ бы созданы на то, чтобъ собирать около себя толпы, облагораживать ихъ и вести къ «правдѣ и свѣту». Но—увы!—климатъ нашей родины слишкомъ еще суровъ для этихъ чудныхъ цвѣтовъ и они гибнутъ въ немъ, какъ погибъ и Серебрянскій, не «успѣвши разцвѣсть!»

...ремени знакомства съ Кольцовымъ, Серебрянскій, обла-

давшій несомнѣннымъ художественнымъ вкусомъ, прекрасно владѣлъ техникою стиха, и для прасола это было чистымъ кладомъ: другъ его, основательно знакомый съ тайною стихосложенія, все еще плохо дававшеюся Кольцову, дѣлалъ указанія послѣднему, исправлялъ неудачныя стихотворенія, передѣлывалъ и выкидывалъ изъ нихъ цѣлые куплеты... И приговоръ Серебрянскаго былъ для Кольцова безапелляціоннымъ. Долго еще и впослѣдствіи онъ былъ строгимъ цензоромъ произведеній своего пріятеля-прасола. Возникло даже предположеніе, что, по разнымъ случайностямъ, нѣкоторыя стихотворенія Серебрянскаго вошли въ собраніе стиховъ Кольцова, какъ это напримѣръ, почти съ точностью установлено на счетъ думы «Великое Слово», въ которой многіе куплеты принадлежатъ другу прасола. Какъ-бы то ни было, но въ описываемое время, благодаря упорнымъ стараніямъ и помощи пріятеля, Кольцовъ съ внѣшней стороны начинаетъ справляться со стихомъ и въ кружкахъ воронежскихъ любителей-поэтовъ считается уже извѣстнымъ стихотворцемъ. Но большинство его стиховъ, относящихся къ тому времени, совсѣмъ не напоминаетъ ни по формѣ, ни по содержанію того, чѣмъ мы обыкновенно восхищаемся въ Кольцовѣ: въ нихъ нѣтъ простоты и силы чувства. Все это были большею частью условно-фальшивыя, сентиментальныя произведенія,—и если бы дѣятельность Кольцова ограничилась только работами такого сорта, то, разумѣется, его нельзя было бы считать замѣчательнымъ поэтомъ. Но слѣдуетъ опять-таки сказать, что даже въ этотъ періодъ въ стихахъ прасола иногда проскальзываютъ черты, которыя мы такъ привыкли въ немъ цѣнить.

Разсказы о грубой средѣ, окружавшей поэта, объ отчужденности отъ непонимавшаго его общества — совершенно непримѣнимы къ молодости Кольцова Онъ бывалъ у Кашкина и въ разныхъ другихъ кружкахъ, бывалъ часто у сестры своей, Башкирцевой, гдѣ собиралось порою разнообразное общество, наконецъ постоянно встрѣчался съ Серебрянскимъ и его товарищами-семинаристами.

Остановимся же еще разъ на этой порѣ молодости поэта, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію... Намъ потому не хочется оторваться отъ нея, что образъ Кольцова въ это время представляется наиболѣе симпатичнымъ: жизнь еще не изломала молодаго прасола, его сердце было открыто для лучшихъ чувствъ — дружбы и любви, онъ не былъ еще тѣмъ «кремнемъ», какимъ всѣ

его знали впослѣдствіи. Силы Кольцова кипѣли ключемъ и въ этой его «жизнерадостности» были незамѣтны тѣ зародыши привычекъ, привитыхъ строемъ окружающей жизни и полученныхъ по наслѣдству, которые впослѣдствіи кажутся такими несимпатичными... Каждый человѣкъ въ сущности представляетъ смѣшеніе хорошихъ и дурныхъ качествъ. Конечно, намъ свойственно больше представлять замѣчательныхъ людей во всемъ блескѣ и красотѣ ихъ нравственныхъ добродѣтелей: мы часто забываемъ при этомъ, что человѣкъ не прямо къ намъ сваливается съ неба существомъ ангельски-совершеннымъ, а являетъ собою продуктъ часто очень печальныхъ условій жизни, способныхъ только извратить и испортить въ конецъ его счастливыя дарованія...

И въ Кольцовѣ впослѣдствіи это смѣшеніе хорошихъ качествъ съ худыми представляется очень сильно выраженнымъ. Горячій другъ и поклонникъ Бѣлинскаго, питавшаго самые возвышенные идеалы, онъ спускается въ самую грязную прозу жизни... Воспѣвая крестьянина, сочувствуя его горю и радостямъ, поэтизируя его трудъ, Кольцовъ впослѣдствіи является не совсѣмъ справедливымъ въ отношеніяхъ къ этому же крестьянину въ тяжебныхъ дѣлахъ, обдѣлывая ихъ при помощи титулованныхъ благопріятелей въ свою пользу... Печальная и извѣстная исторія противорѣчій души человѣческой, способной порою на возвышенные подвиги, но иногда на долго, съ относительнымъ спокойствіемъ, погружающейся въ «тину нечистую мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей!»

И такъ, мы видимъ Кольцова въ описываемое время уже въ извѣстной степени подготовленнымъ къ общественному служенію перомъ. Онъ уже испыталъ чары и грусть любви, онъ беззавѣтно отдавался дружбѣ, былъ въ постоянномъ общеніи съ живою, неподкрашенною народною жизнью и, наконецъ, съ увѣренностью чувствовалъ въ себѣ присутствіе поэтическихъ силъ. Въ душѣ его давно уже звучали прекрасные народные мотивы, слышанные въ раздольной степи, и ждали художественной переработки. И та постоянная работа Кольцова надъ собою,—чтеніе книгъ и неудержимое стремленіе писать стихи, служившее какъ бы залогомъ того, что сфера поэзіи—его стихія,—не прошли даромъ для русской литературы.

ГЛАВА III.

Первые литературные успѣхи Кольцова.

Писанье Кольцовымъ стиховъ. — Любовь къ стихамъ въ обществѣ. — Знакомство съ „настоящимъ“ литераторомъ. — Первые напечатанные стихи.—Знакомство съ Станкевичемъ.—Недолговѣчность русскихъ талантовъ.—Напечатаніе въ московскихъ изданіяхъ стихотвореній Кольцова.—Первая поѣздка въ Москву.—Жизнь Кольцова съ 1831 по 1836 годъ. — Наружность Кольцова. — Поэтическія стороны прасольства.— Наивная вѣра Кольцова.—Знакомства поэта.—Отношенія его къ окружающимъ.—Склонность къ народнымъ мотивамъ. — Зародыши разлада въ жизни Кольцова.—На бойнѣ скота „по колѣно въ крови“.—Изданіе стихотвореній Кольцова Станкевичемъ.—Извѣстность поэта.

Мы уже видѣли, что Кольцовъ усердно занимался писаніемъ стиховъ: въ 1826—1827 гг. онъ пишетъ ихъ десятками и несетъ на судъ то къ Серебрянскому, то къ Кашкину. Въ одномъ изъ стихотворныхъ посланій къ послѣднему поэтъ сообщаетъ, что постоянно «питаетъ духъ изящностью», намекая на свои чтенія и писанія стиховъ. Въ этомъ азартѣ къ стихотворной работѣ Кольцова поддерживало содѣйствіе какъ упомянутыхъ лицъ, такъ и общія тенденціи кружковъ, гдѣ господствовало увлеченіе стихами. Намъ конечно можетъ казаться смѣшнымъ это вымучиваніе изъ себя рифмъ, которому предавались многіе представители воронежскаго общества, — это взаимное соревнованіе стихотворцевъ. Но мы не должны отрываться отъ историческихъ условій, въ которыхъ развивалось провинціальное общество того времени. Слишкомъ еще не подготовленное для плодотворной научной работы и лишенное возможности практически дѣйствовать въ области общественныхъ вопросовъ, это общество, рвавшееся изъ душной дѣйствительности, находило отвлеченіе отъ «грязи жизни» въ

свѣтлой области поэзіи, доступной своими красотами и для людей неученыхъ и простыхъ. Въ этой области воспитывалось болѣе симпатичное отношеніе къ женщинѣ, воспѣвались благородные поступки и выхвалялся героизмъ. Занятія стихами все-таки поддерживали въ грубоватомъ, обреченномъ судьбою на заботы о «хлѣбѣ насущномъ» и прозябавшемъ провинціальномъ обществѣ интересъ къ области умственныхъ вопросовъ. И такая школа развитія у юныхъ, только-что выступающихъ на путь образованности обществъ, являлась обыкновенно предшественницею другихъ, болѣе разнообразныхъ умственныхъ интересовъ.

И для Кольцова эта сфера поэзіи могла играть такую же роль. Несомнѣнно, что окружающая обстановка и въ это «жизнерадостное» для него время давала порою знать себя своими тяжелыми сторонами. Вотъ въ такіе-то часы «святая-святыхъ»—поэзія—посылала поэту-прасолу забвеніе отъ тяготъ жизни и освѣщала передъ нимъ своимъ волшебнымъ свѣтомъ житейскія дебри.

Мѣстная извѣстность у Кольцова уже была, но ему еще не хватало того, къ чему такъ жадно стремятся юные, сомнѣвающіеся въ своихъ силахъ писатели, и что составляетъ вѣнецъ ихъ желаній: появленія стиховъ въ печати. Очень понятно также, что Кольцовъ давно желалъ познакомиться съ «настоящими» литераторами, произведенія которыхъ уже печатались.

Около 1830 г. черезъ Кашкина поэтъ познакомился съ заѣхавшимъ въ Воронежъ однимъ изъ такихъ литераторовъ, Сухачевымъ, печатавшимъ кое-гдѣ свои стихи. Прасолъ вручилъ ему нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно было напечатано въ сборникѣ Сухачева («Листки изъ записной книжки» С.), безъ подписи Кольцова: это была первая печатная пьеса поэта-прасола (1830 г.).

Но около того же времени Кольцовъ познакомился съ человѣкомъ совсѣмъ иного калибра, и это знакомство имѣло громадное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь и литературную извѣстность и ввело скромнаго воронежскаго прасола въ кругъ людей, при имени которыхъ благоговѣйно сжимается сердце у всякаго образованнаго русскаго. Это былъ Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

Чѣмъ-то радужнымъ и свѣтлымъ вѣетъ отъ воспоминаній объ этомъ человѣкѣ знавшихъ его людей. Это была одна изъ тѣхъ замѣчательныхъ личностей, которыя не всегда извѣстны обществу,

но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и окружаютъ память ихъ почти легендарнымъ поклоненіемъ. Станкевичъ самъ, какъ извѣстно, почти ничего не писалъ, но это однако не мѣшаетъ намъ цѣнить его заслуги на полѣ русской литературы: его благородныя мысли и симпатичныя стремленія изъ тѣснаго кружка друзей и поклонниковъ перешли на страницы русскихъ книгъ и волновали сердца какъ современниковъ, такъ и послѣдующихъ поколѣній. Роль такихъ вдохновителей цѣлаго кружка талантовъ,—того незамѣтнаго центра, отъ котораго по всѣмъ радіусамъ расходятся лучи знанія и мысли,—часто бываетъ въ тѣни, но въ данномъ случаѣ на долю Станкевича выпала достойная его оцѣнка: благодарная память людей окружила свѣтлымъ ореоломъ его образъ... Увы, и на Станкевичѣ, какъ и на многихъ другихъ лицахъ, подтвердилось печальное явленіе, давно уже замѣченное въ русской жизни, о которомъ мы говорили выше, что истинно-талантливые и хорошіе русскіе люди умираютъ рано, не успѣвая развернуть всѣхъ своихъ силъ. Извѣстно, что и Станкевичъ умеръ молодымъ человѣкомъ (1840 г.), раньше Кольцова, между тѣмъ, какъ Руничи, Гречи, Магницкіе и Булгарины жили сравнительно долго.

Станкевичъ былъ сыномъ очень богатаго воронежскаго помѣщика. Знакомство его съ поэтомъ-прасоломъ произошло въ 1830 г., въ одинъ изъ пріѣздовъ въ свою деревню (Острогожскаго уѣзда) на каникулы Станкевича, бывшаго въ то время студентомъ Московскаго университета. Изъ деревни Станкевичъ довольно часто пріѣзжалъ въ Воронежъ, гдѣ вѣроятно и познакомился съ Кольцовымъ въ единственной книжной лавкѣ, у Кашкина. Разсказываютъ впрочемъ, что это знакомство произошло нѣсколько иначе. У отца Станкевича былъ большой винокуренный заводъ, на которомъ откармливались на «бардѣ» быки Кольцова. Студентъ Станкевичъ, ложась спать, никакъ не могъ дозваться своего камердинера. Когда тотъ пришелъ, Николай Владиміровичъ спросилъ его: гдѣ онъ былъ такъ долго.

— Прасолъ Кольцовъ ужиналъ съ нами,—объяснилъ камердинеръ,—читалъ свои пѣсни и стихи... Очень хорошо... Вотъ я и замѣшкался...

И слуга, запомнившій нѣсколько отрывковъ изъ слышаннаго, прочиталъ ихъ барину. Станкевичъ заинтересовался прасоломъ,

просвѣщавшимъ его дворню, и пригласилъ на другой день Кольцова къ себѣ.

Какъ бы то ни было, но Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, очень любезно обошелся съ нимъ и принялъ участіе въ его судьбѣ. Онъ прочиталъ стихи прасола и одобрилъ ихъ. На сколько былъ простъ и добръ Станкевичъ, сынъ богатаго дворянина, и на сколько казался ему интереснымъ этотъ «сынъ народа», неуклюжій, съ густонапомаженными волосами, въ длинной синей чуйкѣ и картузѣ, прасолъ Кольцовъ, показываетъ тотъ фактъ, что въ пріѣзды свои въ Москву поэтъ-мѣщанинъ останавливался прямо у помѣщика. Такая близость въ ту пору, когда еще между «благороднымъ» сословіемъ и «хамами» стояли прочныя, чуть не китайскія стѣны, дѣлаетъ честь гуманному и симпатичному Станкевичу. Съ другой стороны, какъ этотъ фактъ, такъ и впослѣдствіи горячая любовь и уваженіе къ Кольцову со стороны Бѣлинскаго, и та почти восторженная радость, которую при пріѣздахъ поэта въ Москву и Петербургъ испытывалъ нашъ знаменитый критикъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что въ невзрачномъ и неинтересномъ по виду прасолѣ таились могучія силы, заставлявшія лучшихъ людей того времени, чуткихъ къ добру и знавшихъ жизнь, привязываться къ Кольцову. Эти факты больше всѣхъ искусственныхъ и взвинченныхъ похвалъ поэту говорятъ про его богатую натуру и объясняютъ тотъ интересъ, который онъ возбуждалъ между современниками.

Вскорѣ послѣ знакомства со Станкевичемъ, въ 1831 г., въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ появились стихи Кольцова уже съ его подписью: такъ, въ газеткѣ «Листокъ», издававшейся Артемовымъ, напечатано нѣсколько пьесъ поэта, а въ «Литературной Газетѣ»—стихотвореніе «Перстень», присланное въ редакцію Станкевичемъ. Это конечно должно было очень льстить Кольцову: мечты его исполнялись, — онъ появился въ печати... Но, помимо этого, напечатаніе его стиховъ, хотя пока еще и не важнаго достоинства, имѣло и болѣе существенное значеніе: оно дало поэту увѣренность въ своихъ силахъ, подбодрило его, а въ Воронежѣ—расширило кругъ знакомыхъ, видѣвшихъ въ Кольцовѣ уже «печатавшагося» литератора. И то, и другое не могло не отозваться самымъ благотворнымъ образомъ на настроеніи и на дѣятельности поэта.

Въ это же время Кольцовъ совершилъ свою первую поѣздку

въ Москву, гдѣ остановился у Станкевича. Черезъ послѣдняго поэтъ пріобрѣлъ въ столицѣ нѣсколько знакомыхъ, впослѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ эту же первую поѣздку онъ познакомился и съ Бѣлинскимъ, лучшимъ другомъ и утѣшителемъ въ тяжелую пору жизни Кольцова. Но сближеніе съ нашимъ извѣстнымъ критикомъ произошло впослѣдствіи, во вторую поѣздку прасола въ Москву (1836 г.). О первой поѣздкѣ Кольцова въ «сердце Россіи» почти не имѣется никакихъ свѣдѣній. Но онъ пріѣхалъ оттуда окрыленный самыми свѣтлыми упованіями: онъ побывалъ, какъ свой человѣкъ, въ кружкѣ людей, составившихъ потомъ славу и гордость родины и получилъ отъ нихъ, такъ сказать, благословеніе на свою дальнѣйшую работу.

Молодой человѣкъ, обладавшій крѣпкимъ здоровьемъ, пользовавшійся уже и въ то время значительною самостоятельностью въ торговыхъ дѣлахъ, единственный сынъ достаточнаго отца, — Кольцовъ естественно не могъ скучать и пользовался жизнью со всѣмъ пыломъ молодости и страстной своей натуры. Хотя онъ и говоритъ про свои молодые годы:

Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности!
Жилъ въ степи съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ...

Но конечно эти слова представляютъ значительную поэтическую прикрасу того, что было на самомъ дѣлѣ. Помимо молодости и здоровья, этихъ незамѣнимыхъ благъ, съ которыми легко переносятся часто и дѣйствительныя лишенія, у Кольцова была уже и мѣстная «извѣстность», дававшая значительную пищу его самолюбію. Стихи расширили кругъ его знакомыхъ и ввели самого поэта въ салоны, о которыхъ прежде скромный и застѣнчивый прасолъ не могъ даже и мечтать; кромѣ того, не мало у него было любовныхъ приключеній въ городѣ, и особенно въ деревняхъ, гдѣ молодой прасолъ «Алеша» являлся всегда желаннымъ гостемъ. Кольцовъ былъ некрасивъ лицомъ, но эту некрасивость сглаживали умные, выразительные глаза, смотрѣвшіе обыкновенно сурово. Однако это некрасивое лицо преображалось подъ вліяніемъ мысли, страсти или искры таланта и становилось привлекательнымъ, а глаза широко раскрывались и горѣли. Кольцовъ умѣлъ и плясать, и пѣть, а всѣ эти свойства, въ связи еще съ

тѣмъ, что онъ былъ «стихотворецъ», доставили ему не мало любовныхъ исторій, для которыхъ въ особенности степь могла служить широкою и вполнѣ поэтическою ареной. Самое прасольство. какъ мы уже говорили, съ его скитаніями по степи, разубранной весною и лѣтомъ въ яркія краски, должно было давать въ это время не мало радостей для поэтической души Кольцова. «Прасолъ поясомъ опоясанъ, сердце пламенное, а грудь каменная», — такъ говоритъ мѣстная поговорка объ этомъ поэтичномъ ремеслѣ, описывая прасола, какъ какого-нибудь романтическаго героя. Кольцовъ въ эти годы не могъ не любить своего дѣла: онъ былъ прасолъ въ душѣ, по призванію. Въ деревнѣ и степи исчезали его угрюмость и суровость.

Сынъ степи, не оторванный еще отъ нея позднѣйшею болѣзнью, онъ усвоилъ наивную вѣру мѣстныхъ степныхъ обычаевъ и преданій и серьезно напримѣръ полагалъ, что на благосостояніе скота вліяетъ личность прасола и его «дурной глазъ».— «Эфто бываетъ», говаривалъ обыкновенно Алексѣй Васильевичъ Станкевичу... За это время жизнь поэта, благодаря здоровью и молодости, была цѣльная и въ ней не проявилось еще разлада между свѣтлымъ міромъ грезъ и дѣйствительностью; не было еще у поэта сознанія того, что онъ глубоко невѣжественный по своимъ свѣдѣніямъ человѣкъ. и не пришло еще несокрушимой скорби о томъ, что годы невозвратно уходятъ и страстно желаемое образованіе невозможно. Все это явилось потомъ, когда отцовскія дѣла нѣсколько разстроились и когда изъ блестящаго кружка московскихъ и петербургскихъ знаменитостей, встрѣченныхъ въ позднѣйшей поѣздкѣ, поэтъ попалъ снова въ родное болото.

Поэтъ пока бралъ отъ жизни все, что только было возможно. Правда, за описываемое время съ нимъ не было его друга Серебрянскаго, поступившаго въ Московскую медико-хирургическую академію и только изрѣдка показывавшагося въ Воронежѣ. Но у Кольцова было не мало и другихъ знакомствъ. Къ нему заѣзжалъ Станкевичъ во время своего пребыванія въ деревнѣ: онъ бывалъ у прасола въ домѣ, но неизвѣстно, ѣздилъ ли Кольцовъ къ Николаю Владиміровичу въ имѣніе—вѣроятно, и это бывало. Поэтъ часто встрѣчался съ Кашкинымъ, нерѣдко видѣли его, въ длинной синей чуйкѣ до пятъ, гуляющимъ съ знакомыми семинаристами и гимназистами по бульвару. По разсказу его пріявременника А. М. Юдина, Кольцову жилось не плохо:

Юдинъ встрѣчался съ нимъ у директора и учителей гимназіи. Молодой прасолъ бывалъ часто и у профессора семинаріи Вельяминова, человѣка просвѣщеннаго,бралъ у него книги и пользовался его совѣтами. У него же онъ познакомился съ извѣстнымъ Аскоченскимъ, напечатавшимъ впослѣдствіи трогательныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни поэта. Этотъ Вельяминовъ своими литературнымии связями способствовалъ помѣщенію нѣсколькихъ стихотвореній Кольцова въ тогдашнихъ журналахъ. А. М. Юдинъ бывалъ нерѣдко въ описываемый періодъ у поэта; Кольцовъ жилъ во флигелѣ дома, въ особомъ помѣщеніи; у него была большая библіотека, онъ много читалъ, по преимуществу произведенія изящной словесности. Впослѣдствіи въ скромномъ помѣщеніи поэта, на стѣнахъ появились портреты извѣстныхъ писателей, подаренные Кольцову нѣкоторыми изъ нихъ, и въ числѣ «ученыхъ» предметовъ былъ черепъ, неизвѣстно зачѣмъ украшавшій рабочій столикъ... Юдинъ разсказываетъ, что они съ Кольцовымъ часто бесѣдовали о произведеніяхъ послѣдняго, причемъ прасолъ, по примѣру многихъ поэтовъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, читалъ стихи—свои и чужіе... Но такая надоѣдливость слушателямъ объяснялась и извинялась тѣмъ глубокимъ интересомъ, который питалъ Кольцовъ къ этой области литературы и его жаждою получить совѣты и указанія отъ людей мало-мальски знающихъ.

Семейная обстановка поэта за указываемое время не представляла ничего печальнаго. Съ отцомъ, убѣдившимся въ торговыхъ дарованіяхъ сына, Кольцовъ жилъ ладно, хотя оба обладали очень непокладистыми и суровыми характерами. Въ отцѣ этотъ характеръ окрѣпъ подъ вліяніемъ долгихъ, прожитыхъ лѣтъ, но у молодаго Кольцова душа, подъ впечатлѣніями дружбы и поэзіи, часто смягчалась и, какъ мы видѣли, онъ былъ способенъ на самыя искреннія привязанности. А тутъ еще вблизи Кольцова подростала и развивалась сестра его, симпатичная и съ поэтическими дарованіями дѣвушка, дружба съ которою дала не мало свѣтлыхъ минутъ брату. Но эти дружескія отношенія завершились въ послѣдніе годы жизни поэта, по неразъясненнымъ вполнѣ еще до сихъ поръ причинамъ, печальною размолвкою. Вмѣстѣ съ сестрами Кольцовъ, тяготившійся суровыми домашними порядками, заведенными старикомъ, часто бывалъ у зятя своего, Башкирцева, гдѣ домъ былъ—«полная чаша», и гдѣ режимъ былъ гораздо либеральнѣе.

Въ описываемое же время въ Кольцовѣ проявляется большая склонность къ народнымъ мотивамъ въ стихахъ. Это могло быть какъ слѣдствіемъ чутья самого поэта, находившагося подъ постояннымъ вліяніемъ природы и народной жизни, такъ и указаній Станкевича и другихъ лицъ, видѣвшихъ, что произведенія народнаго характера больше всего удаются поэту. Во всякомъ случаѣ, народные мотивы все чаще и чаще съ этого времени звучатъ въ поэзіи Кольцова.

Хотя мы и указали на отрадныя и свѣтлыя стороны жизни Кольцова въ молодости, но далеки отъ того, чтобы считать вполнѣ нормальными для поэта тѣ условія, въ которыхъ пришлось ему существовать. Въ этихъ условіяхъ несомнѣнно таился зародышъ трагизма, который послѣ, когда прошла скрашивавшая ихъ молодость, развернулся во всей своей губительной силѣ... Возстановляя факты изъ прошлаго Кольцова въ ихъ истинномъ значеніи, мы только желаемъ показать, что слишкомъ мрачное представленіе о средѣ, окружавшей поэта, не выдерживаетъ критики и, что онъ, сильный своею молодостью и творческими способностями, далеко не чувствовалъ за описываемое время тѣхъ тяжестей и страданій, которыя мерещились его горячимъ друзьямъ и поклонникамъ.

Но, во всякомъ случаѣ, этотъ міръ торгашества и наживы исключалъ поэзію... И мы только съ большою грустью можемъ представить себѣ тѣ моменты жизни поэта, когда этому глубоко чувствовавшему человѣку было не по себѣ... Поэтъ, стоявшій на базарахъ у возовъ съ саломъ и поставленный условіями своей профессіи въ необходимость «дороже продать, дешевле купить», долженъ былъ нерѣдко испытывать тяжелыя разочарованія... Въ его головѣ, подъ тяжелымъ прасольскимъ картузомъ, часто бродили возвышенныя мысли, а подъ грубою синею чуйкой билось сердце, сладостно замиравшее отъ восторга при чтеніи Шекспира и другихъ поэтовъ... Въ эти минуты тоски, среди шумнаго базара, ему вѣроятно хотѣлось бы унестись отъ «грязной» дѣйствительности въ страну «волшебныхъ сновъ», умчаться въ «край заколдованный...» А еще страшнѣе кажется намъ картина, когда поэтъ, провозвѣстникъ гуманности, «добра» и «красоты», возбуждавшій своими пѣснями жалость въ сердцахъ, долженъ былъ, по своему прасольскому ремеслу, присутствовать «по колѣно въ , при бойнѣ скота, производящейся еще и теперь въ про-

винціи страшно варварскимъ способомъ... И хорошо еще, что у поэта была такая «жизнерадостная» молодость, зависѣвшая отъ его счастливой организаціи, такъ что эти сцены торгашества и тяжелыхъ зрѣлицъ лишь скользили по душѣ, не на долго волнуя ее и смѣняясь скоро другими впечатлѣніями; хорошо еще, что степь отвлекала его на долго въ свои гостепріимныя объятія отъ суетъ мелкаго обмана и торгашества! Хорошо, что у него были друзья и книги—съ ихъ необъятнымъ міромъ благородныхъ грезъ, съ ихъ свѣтлыми очарованіями другой жизни!

Такъ шло время Кольцова: между книгами, степью, друзьями и торговлей... Наступилъ и 1835 годъ. Станкевичъ раньше еще предлагалъ издать на свой счетъ стихотворенія Кольцова. Поэтъ могъ потерять на торговыхъ операціяхъ тысячи рублей,—это не было бы поставлено ему въ вину, по торгашеской пословицѣ: «убытокъ съ барышомъ на одномъ полозу ѣздятъ». Но, понятно, старикъ-отецъ не позволилъ бы сыну потратить и десятковъ рублей на «баловство», или по крайней мѣрѣ это бы его разсердило, такъ какъ онъ на писаніе сыномъ стиховъ смотрѣлъ какъ на пустое занятіе и только примирялся съ нимъ, видя, что оно не мѣшаетъ дѣламъ.

Впослѣдствіи отецъ думалъ гораздо благосклоннѣе о стихахъ сына и его литературныхъ связяхъ, когда увидѣлъ, что «Алеша» съ князьями да генералами водится. Но пока еще было далеко не такъ, и вотъ причина, почему стихотворенія Кольцова издалъ Станкевичъ. Онъ изъ довольно увѣсистой тетради выбралъ только 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжечкѣ. Есть однако указанія и на то, что это изданіе осуществилось на средства нѣсколькихъ лицъ и, что Станкевичу принадлежала только главная роль и бо̀льшая сумма пожертвованія. Книжечка стихотвореній Кольцова напечатана въ Москвѣ въ 1835 г. и доставила прасолу большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, при этомъ больше всего дѣйствовало указаніе на то, что авторъ—«поэтъ-самоучка», «поэтъ-прасолъ», и еслибы эти 18 стихотвореній были написаны какимъ-нибудь человѣкомъ съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія, то впечатлѣнія бы такого не получилось. Но однако помянутыя стихотворенія если и не представляли произведеній вполнѣ разцвѣтшаго, большого и окончательно сформировавша-

гося таланта, то, во всякомъ случаѣ, они обѣщали многое въ будущемъ отъ самоучки-автора.

До сихъ поръ еще во многихъ воронежскихъ семействахъ хранятся эти книжечки, подаренныя самимъ поэтомъ, съ собственноручною надписью, его тогдашнимъ знакомымъ и друзьямъ. Со времени появленія помянутой книжки интересъ къ «поэту-прасолу» ростетъ въ Воронежѣ, онъ пріобрѣтаетъ много новыхъ знакомствъ, его знаетъ самъ губернаторъ Бѣгичевъ (авторъ «Семейства Холмскихъ»),—«мѣщанинъ» Кольцовъ становится одною изъ «примѣчательностей» города.

Изданіе этой книжки и послѣдовавшія вскорѣ за этимъ поѣздки Кольцова въ столицы составляютъ самое интересное время въ его жизни, и съ этого же періода начинается переломъ въ ней... Маленькая книжечка въ 40 страницъ дала возможность прасолу-Кольцову очутиться въ обществѣ «славной стаи» писателей, подружиться съ Бѣлинскимъ и познакомиться съ самимъ «богомъ поэзіи»—Пушкинымъ. На этомъ времени, представляющемъ кульминаціонный пунктъ жизни и творчества поэта, съ котораго уже начинается быстрый закатъ его счастья, мы теперь и остановимся.

ГЛАВА IV.

Среди литературныхъ свѣтилъ.

Поѣздка въ столицы въ 1836 г. — Кружки Станкевича и Герцена.— Бѣлинскій и его «жажда истины».—Кольцовъ среди знаменитостей.— «Абсолютъ» и «субстанція».—Дружба съ Бѣлинскимъ.—Многочисленныя знакомства. —Отзывъ «знаменитости» о Кольцовѣ.—Тактъ, проницательность и умъ Кольцова.—Среди «царства философіи» у Бакуниныхъ.—Петербургъ.—Знакомство съ Краевскимъ.—Субботы Жуковскаго.—Тургеневъ и вечеръ у Плетнева.—Кольцовъ и Пушкинъ.—Пирушки у Кольцова. —Возвращеніе въ Воронежъ.—Собираніе пословицъ и пѣсенъ.—«Ромео и Джульета».—«Либеральныя идеи» Кольцова.—Отношенія его «свысока» къ окружающимъ.— Размолвка съ пріятелями.—Время наибольшей славы прасола въ Воронежѣ.—Пріѣздъ Жуковскаго.—Дружба съ сестрою.—Хлопоты о 2-мъ изданіи стихотвореній. — Расширеніе круга знакомствъ.—Третья поѣздка въ столицы въ 1838 г.—Польза отъ «титулованныхъ» знакомыхъ.—Щегольство Кольцова.—Недовольство вечерами.—Разсказъ Каткова о Кольцовѣ.—Очарованіе столицами.— Опять Воронежъ.

Кольцовъ отправился въ Москву и Петербургъ по дѣламъ отца въ началѣ 1836 года. Несомнѣнно однако, что къ этимъ поѣздкамъ побуждали его не одни торговыя дѣла, но и желаніе завязать литературныя знакомства. Много пришлось скромному, застѣнчивому прасолу увидѣть и услышать интереснаго, много онъ узналъ знаменитыхъ людей и много увезъ изъ столицъ новыхъ идей, отразившихся на его творчествѣ и на отношеніяхъ къ окружающимъ.

Тяжелое время переживало тогда наше общество. Крѣпостное право и связанная съ нимъ общественная организація не давали простора для практической дѣятельности лучшихъ людей на пользу меньшихъ братьевъ. Единственная сфера, гдѣ бы можно было приложить свои силы, высказать накопившіяся мысли и облегчить наболѣвшее чувство—литература—находилась въ тяжелыхъ условіяхъ.

Но живую мысль все-таки нельзя было убить, и она просачивалась въ литературѣ,—иногда благодаря оплошности цензора (какъ напримѣръ, въ извѣстномъ случаѣ съ «Философическимъ письмомъ» Чаадаева) или проскальзывала въ общество при помощи «эзоповскаго языка», вѣроятно нигдѣ не пользовавшагося такими давними правами гражданства, какъ въ русской печати. Но чѣмъ менѣе можно было излагать ясно извѣстныя мысли въ литературѣ, тѣмъ онѣ сильнѣе высказывались среди дружескихъ кружковъ, куда цензура не проникала. И, можетъ быть, благодаря тому обстоятельству, что сфера для приложенія общественныхъ стремленій къ жизни была съужена тогдашними условіями дѣятельности, большинство этихъ кружковъ уходило въ отвлеченности философіи, въ ея абстракты, чтобъ не имѣть дѣла съ печальной дѣйствительностью.

И въ Москвѣ были эти кружки, изъ которыхъ самыми видными являлись кружокъ Станкевича и кружокъ Герцена. Первый, въ составѣ котораго блестѣло нѣсколько знаменитыхъ именъ: Грановскій, Аксаковъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, Кудрявцевъ, Кирѣевскій, Катковъ и др., — имѣлъ наклонность къ философіи и вскорѣ погрузился въ невылазныя дебри гегельянщины; второй —больше отдавался общественнымъ вопросамъ. Изъ перваго кружка впослѣдствіи выдѣлились Кирѣевскій и Аксаковы-славянофилы. Между двумя вышеназванными кружками отношенія были не совсѣмъ дружелюбны: философы называли общественниковъ «фрондерами», «французишками», а послѣдніе величали первыхъ «нѣмцами» и зарывшимися въ книжныя мудрствованія муміями.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ больше кружокъ Станкевича, въ который глава его вносилъ свое образованіе и организаторскія способности; горячее, прочувствованное убѣжденіе—Бѣлинскій; тонкую діалектику и сильный логическій умъ —Бакунинъ; вдумчивость и душевную чистоту — Аксаковъ. Кружокъ слѣдилъ за иностранною литературою, особенно философскою, и былъ au courant въ этой области. Тамъ кипѣли горячіе споры, авторитеты стремительно низвергались съ пьедесталовъ, хотя это не мѣшало воздвигаться на нихъ сейчасъ же новымъ кумирамъ... «Грязная дѣйствительность» третировалась во имя свѣтлыхъ идеаловъ философіи самымъ безпощаднымъ образомъ... Вскорѣ въ кружкѣ воцарилась гегемонія Гегеля,—и самымъ горячимъ адептомъ этого философа былъ довольно долгое время Бѣлинскій, представляв-

шій въ сущности по натурѣ своей, по горячимъ стремленіямъ сердца, откликавшагося на скорби и муку окружающаго, прямую противоположность съ умственнымъ холодомъ, который царилъ на этихъ высотахъ философской эквилибристики. Бѣлинскій, какъ извѣстно, былъ самымъ страстнымъ и упорнымъ искателемъ истины; онъ и на этихъ собраніяхъ кружка успокоивался только тогда, когда спорный вопросъ уяснялся окончательно. До чего эта жажда истины томила гóрячаго критика, видно хотя бы изъ спора его съ Тургеневымъ, о которомъ послѣдній передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Тургеневъ ослабѣлъ уже въ доводахъ, споръ ему надоѣлъ и онъ съ удовольствіемъ соглашался на приглашеніе жены Бѣлинскаго идти обѣдать. Тогда критикъ серьезно бросилъ ему упрекъ: «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, а вы, Тургеневъ, зовете меня ѣсть!»

И вотъ въ этотъ-то кружокъ, гдѣ гремѣли страшныя слова: «абсолютъ», «субстанція», «воплощеніе духа въ природѣ», «субъектъ» и «объектъ»; гдѣ Бакунинымъ разбирались по косточкамъ всѣ тонкости гегелевской діалектики, попалъ «дитя степи» Кольцовъ, человѣкъ съ отсутствіемъ образованія, съ узкимъ еще въ ту пору умственнымъ кругозоромъ... Эта обстановка его ошеломила и никогда вѣроятно болѣе, чѣмъ въ это время, не жалѣлъ о недостаткѣ своихъ свѣдѣній бѣдный прасолъ и никогда его больше не мучило сознаніе, что онъ ничего не понимаетъ въ «мудреныхъ» вещахъ... Пониманіе ихъ конечно не далось поэту и впослѣдствіи, какъ это видно изъ простодушнаго признанія его, выраженнаго въ позднѣйшемъ письмѣ къ Бѣлинскому: «субъектъ и объектъ я немножко понимаю,—пишетъ Кольцовъ критику,— а абсолюта — ни крошечки, но если и понимаю, то весьма худо».

Но люди, занимавшіеся такими мудреными отвлеченностями, отнеслись однако очень сердечно къ мѣщанину-поэту: онъ остановился прямо у Станкевича и сердечно сблизился съ Бѣлинскимъ. Исторія отношеній нашего знаменитаго критика къ воронежскому гостю вплетаетъ только новый лавръ въ вѣнокъ Бѣлинскаго, какъ человѣка. Этотъ писатель, жестокая гроза всяческихъ литературныхъ авторитетовъ, разрушитель отживающихъ преданій и традицій, былъ глубоко любящимъ другомъ. И прекрасныя строфы Некрасова рисуютъ намъ вѣрный образъ автора «Литературныхъ мечтаній»:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша...

Бѣлинскій принялъ подъ свое покровительство застѣнчиваго Кольцова и они до конца жизни сохранили привязанность другъ къ другу. Дружба Бѣлинскаго не носила характера обиднаго покровительства скромному пріятелю, а была отношеніемъ совершенно равноправнымъ. Если въ этихъ отношеніяхъ и сказывалось порою неравенство, то оно обусловливалось самою природою вещей, т. е. талантомъ, начитанностью и бо̀льшимъ образованіемъ Бѣлинскаго, что конечно должно было импонировать Кольцову и, разумѣется, критикъ не могъ не имѣть большаго вліянія на друга. Но въ сердечности и простотѣ этихъ отношеній нельзя сомнѣваться. Свѣтлая личность Бѣлинскаго умѣла затрогивать самыя глубокія душевныя струны у прасола, и въ бесѣдахъ съ другомъ Кольцовъ развертывалъ силы своей богатой натуры, не даромъ заставляя восторгаться своими могучими задатками знаменитаго критика. И мы снова повторяемъ, что уваженіе и даже удивленіе, которое возбуждалъ въ Бѣлинскомъ Кольцовъ, служитъ доказательствомъ недюжинности послѣдняго: не такой былъ человѣкъ правдивый Виссаріонъ, чтобъ расточать такъ долго свою любовь и восторги зря, по вѣтру.

Видимо, это первое знакомство съ кружкомъ Станкевича произвело сильное впечатлѣніе на прасола, что замѣтно изъ всѣхъ его тогдашнихъ писемъ. Философія кружка отразилась на содержаніи «Думъ» Кольцова,—произведеній, большинство которыхъ относится ко времени, послѣдовавшему за этою поѣздкою въ столицы. Въ своемъ стихотвореніи «Поминки», посвященномъ памяти Станкевича, поэтъ поставилъ прекрасный памятникъ обласкавшимъ его друзьямъ:

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ,
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ...

Чтобъ покончить съ вопросомъ о томъ, какъ относился къ Кольцову критикъ, мы приведемъ небольшія выдержки изъ писемъ послѣдняго къ Боткину относящихся къ болѣе позднему времени. «Кольцова разцѣлуй, — пишетъ Бѣлинскій, — и скажи ему, что жду не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго дня... Скажи,

чтобъ прямо ко мнѣ ѣхалъ, нигдѣ не останавливаясь, если не хочетъ меня обидѣть». И затѣмъ, по пріѣздѣ поэта къ критику: «Кольцовъ живетъ у меня, мои отношенія къ нему легки, я ожилъ отъ его присутствія... Экая *благодатная* и *благородная* натура!» Послѣ отъѣзда прасола: «Когда пріѣхалъ Кольцовъ, я всѣхъ позабылъ; я точно очутился въ обществѣ нѣсколькихъ чудныхъ людей... И вотъ я опять одинъ, и пуста та комната, гдѣ еще недавно такъ мой милый А. В., съ утра до вечера, упивался чаемъ и меня поилъ!»

Бѣлинскій былъ почти ровесникъ Кольцову. Въ это время (1836 г.) онъ слылъ уже извѣстностью: его статья въ «Молвѣ» — «Литературныя мечтанія» — надѣлала шуму. Бѣлинскій работалъ въ обоихъ изданіяхъ Надеждина: «Молвѣ» и «Телескопѣ»; въ послѣднемъ была помѣщена (въ 1835 г.) сочувственная статья о многообѣщающемъ дебютѣ поэта-прасола, объ изданной Станкевичемъ книжечкѣ стихотвореній Кольцова.

Но не въ одномъ кружкѣ Станкевича Кольцовъ встрѣтилъ радушный пріемъ: извѣстно, что онъ былъ знакомъ и хорошо принятъ Ѳ. Глинкою, Шевыревымъ и многими другими. Глинка съ женою вскорѣ посѣтилъ прасола и въ Воронежѣ, о чемъ Кольцовъ сообщалъ съ восторгомъ въ письмѣ къ Краевскому.

Были впрочемъ и другія отношенія къ поэту, о которыхъ разсказываетъ Бѣлинскій. Прасолу конечно лестно было знакомство съ знаменитостями, но нельзя сказать, чтобы онъ сильно дорожилъ имъ въ ущербъ своему человѣческому достоинству. Онъ былъ робокъ и скроменъ и не любилъ выставляться на показъ. Хотя онъ и разъѣзжалъ съ друзьями по «знаменитостямъ», но ему казалось не ловко и больно представляться имъ въ качествѣ «рѣдкости» и таланта. Кольцовъ былъ очень проницателенъ и тактиченъ: онъ ясно видѣлъ, что одни смотрѣли на него, какъ на диковинку, какъ смотрятъ на какія-нибудь заморскія рѣдкости; что другіе, снисходя до скромнаго прасола, въ сущности желали только выказать свое «просвѣщенное вниманіе» и не отстать отъ другихъ. Нѣкоторые смотрѣли на поэта съ худо скрываемымъ чувствомъ собственнаго достоинства и пренебреженія къ нему, а иные просто поворачивались спиною. Одинъ знаменитый московскій литераторъ (кажется, Недеждинъ), встрѣтившись съ Бѣлинскимъ, сказалъ ему: «что вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація, вы просто

сами сочинили эту книжку ради шутки!» Другіе не находили ничего поэтическаго въ манерахъ, одеждѣ и привычкахъ скромнаго прасола. Въ ту пору, когда многіе захлебывались восторженно отъ трескучихъ романовъ Марлинскаго, когда находили величайшую прелесть въ такихъ выраженіяхъ Бенедиктова, какъ «мохъ забвенія на развалинахъ любви», «любовь, гнѣздящаяся въ ущельяхъ сердецъ»,—такихъ знатоковъ поэзіи простыя, задушевныя и ясныя, какъ весенняя природа, пѣсни Кольцова не могли удовлетворять. Для такихъ лицъ необходимыми атрибутами поэта являются обязательно:

Всегда восторженная рѣчь
И кудри черныя до плечъ...

И, понятно, имъ не могъ нравиться подстриженный въ скобку, въ длиннополой чуйкѣ, прасолъ, слишкомъ походившій по виду на обыкновеннаго, вульгарнаго человѣка. Но если-бы помянутые господа знали, какъ этотъ простоватый человѣкъ, скромно сидя на ихъ блестящихъ собраніяхъ въ уголкѣ, смотря исподлобья и тихонько покашливая въ руку,—какъ этотъ прасолъ отлично видѣлъ ихъ собственные недостатки! Какъ онъ умѣлъ, не смотря на свою необразованность, проницательно угадывать подъ звономъ фразъ умственное убожество! Удивились-бы сильно эти лица, еслибы услышали, съ какою ироніей говорилъ и писалъ о нихъ поэтъ и какъ онъ мастерски очерчивалъ ихъ спѣсь и хвастовство... Панаевъ, которому Кольцовъ передавалъ въ откровенную минуту свои впечатлѣнія о петербургскихъ подобнаго-же сорта литераторахъ, былъ изумленъ: столько въ этихъ характеристикахъ блестѣло ума, тонкости и наблюдательности...

— Эти господа,—сказалъ поэтъ въ заключеніе, съ лукавою улыбкою, Панаеву,—не смотря на ихъ внимательность и ласки ко мнѣ, смотрятъ на меня, какъ на совершеннаго невѣжду, ничего не смыслящаго, и презабавно хвастаютъ передо мною своими знаніями, пускаютъ пыль въ глаза... Я слушаю ихъ, разиня ротъ, и они остаются очень довольны, между тѣмъ я ихъ вижу насквозь... Они на меня совсѣмъ какъ на дурачка смотрятъ... Вотъ хоть-бы Евгеній Павловичъ Гребенка,—неужли-жъ я глупѣе его?

Такъ «сѣренькій мужичекъ» Кольцовъ въ разговорахъ и письмахъ воздавалъ должное нѣкоторымъ своимъ знакомымъ. Письма Кольцова, если не принимать во вниманіе ихъ орфографіи, замѣчательны: въ нихъ много ума, наблюдательности; мысль въ боль-

шинствѣ случаевъ выражается ясно и мощно и читаются они съ истиннымъ удовольствіемъ.

Нужно сказать, что кромѣ знакомыхъ, о которыхъ мы писали выше, Кольцовъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Константиномъ Аксаковымъ и Боткинымъ. У Аксаковыхъ, среди большого и разнообразнаго общества, среди дамъ, интересовавшихся «поэтомъ-мужичкомъ» и шпиговавшихъ его со всѣхъ сторонъ, неуклюжій и несвѣтскій прасолъ чувствовалъ себя очень неловко. Еще пожалуй неудобнѣе было его положеніе у Бакуниныхъ, когда онъ бывалъ у нихъ въ деревнѣ, въ Тверской губерніи. Тутъ было всецѣло царство философіи, область вполнѣ незнакомая поэту; здѣсь даже женщины, молодыя дѣвушки и чуть не младенцы бойко говорили объ «абсолютахъ», «вещи въ себѣ» и «субстанціяхъ», къ которымъ поэтъ относился съ нескрываемою робостью. Велъ знакомство Кольцовъ и съ Чаадаевымъ, авторомъ знаменитаго «Философическаго письма», изъ за котораго «Телескопъ» былъ прихлопнутъ въ 1836 г., оставивши Бѣлинскаго безъ заработка.

Изъ Москвы Кольцовъ поѣхалъ въ Петербургъ съ рекомендательными письмами и познакомился тамъ вскорѣ по пріѣздѣ съ Яковомъ Михайловичемъ Невѣровымъ, на вечерахъ у котораго бывали Краевскій, Панаевъ, Плетневъ и друг. Съ Краевскимъ, послѣ знакомства у Невѣрова, Кольцовъ переписывался до самой смерти и много писемъ поэта-прасола хранилось у покойнаго «Мафусаила» русской журналистики. Въ отношеніяхъ Краевскаго къ Кольцову нѣтъ, по нашему мнѣнію, ничего похожаго на то «литературное кулачество», о которомъ постоянно заходитъ рѣчь при имени покойнаго журналиста. Краевскій всегда въ необходимые моменты приходилъ на помощь Кольцову, — далъ денегъ на выѣздъ изъ Петербурга въ одну изъ поѣздокъ и вообще оказывалъ ему не мало безкорыстныхъ услугъ.

Онъ-же ввелъ Кольцова въ кружокъ Пушкина и Жуковскаго. Послѣдній жилъ тогда въ Зимнемъ Дворцѣ и у него по субботамъ собирались корифеи русской литературы, а также и «сіятельные» писатели: князья Вяземскій, Одоевскій и др.; бывали и нѣкоторые изъ молодыхъ литераторовъ. На одну изъ этихъ субботъ, когда между прочимъ у хозяина были князья Вяземскій и Одоевскій, Краевскій привелъ Кольцова и представилъ его Жуковскому и гостямъ. Пушкина не было въ это время, но, узнавъ о пріѣздѣ Кольцова, онъ черезъ другихъ просилъ его къ себѣ. Упомянемъ

здѣсь, что въ память субботъ Жуковскаго написана какимъ-то художникомъ картина, на которой, между прочими, изображенъ и нашъ прасолъ. Но гдѣ находится въ настоящее время эта картина—неизвѣстно.

И такъ, нашъ «степнячекъ» очутился среди «литературныхъ свѣтилъ», попалъ даже въ Зимній дворецъ, былъ обласканъ Жуковскимъ и другими знаменитостями. Всѣ эти знакомства были очень полезны поэту впослѣдствіи, когда судьба заставила его быть «ходатаемъ» по дѣламъ отца и заводить безконечныя тяжбы.

Какъ-бы ни былъ хорошъ и простъ человѣкъ, но ему трудно избавиться отъ искушеній тщеславія. А пріѣхать въ Воронежъ и сказать, что «у меня былъ Жуковскій» или: «я приглашенъ къ Пушкину»—являлось великимъ соблазномъ для прасола, помимо того интереса, который возбуждали въ немъ эти личности сами по себѣ. Понятно, эти знакомства были очень лестны Кольцову и онъ старался встрѣчаться съ «извѣстностями». Къ чести его нужно однако сказать, что онъ не только пріобрѣлъ эти знакомства, но закрѣпилъ ихъ и сумѣлъ поддержать интересъ къ себѣ до конца со стороны встрѣченныхъ «свѣтилъ», что̀ тоже можетъ служить мѣркою даровитости и богатства душевныхъ силъ поэта-прасола.

Въ воспоминаніяхъ Тургенева есть интересный разсказъ о литературномъ вечерѣ у Плетнева, на которомъ былъ и Пушкинъ. Авторъ «Отцовъ и дѣтей» встрѣтилъ тамъ между прочими человѣка, одѣтаго въ длинный двубортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубою бисерной часовою цѣпочкой и шейный платокъ съ бантомъ. Этотъ человѣкъ сидѣлъ въ уголкѣ, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднимая руку къ губамъ. Онъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости и внимательно прислушивался; въ глазахъ его свѣтился необыкновенный умъ, но лицо было самое простое, русское. Это былъ Кольцовъ. Хозяинъ и гости просили его прочитать послѣднюю «Думу», но онъ сконфузился и Плетневъ не настаивалъ. Когда Тургеневъ, подвозя Кольцова къ дому, спросилъ, отчего онъ не прочиталъ стиховъ, то поэтъ отвѣтилъ почти съ досадою:

— Что-же это я сталъ-бы читать-съ? Тутъ Александръ Сергѣичъ только-что вышли, а я-бы читать сталъ! Помилуйте-съ!

Кольцовъ впервые свидѣлся со своимъ божествомъ, Пушкинымъ, на квартирѣ послѣдняго, куда онъ пошелъ по приглашенію хо-

зяина. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ всегда поэтъ о тепломъ и ласковомъ пріемѣ, оказанномъ ему солнцемъ русской поэзіи, которое онъ съ священнымъ трепетомъ собирался встрѣтить. Со слезами на глазахъ разсказывалъ онъ Бѣлинскому объ этой торжественной въ своей жизни минутѣ—встрѣчѣ съ Пушкинымъ. Подробностей о помянутомъ свиданіи не имѣется въ бумагахъ Кольцова (у него, по всѣмъ даннымъ, не имѣлось ни дневника, ни записокъ), но разсказъ прасола въ отрывочныхъ чертахъ сохранился у нѣкоторыхъ современниковъ.

Кольцовъ пришелъ на квартиру Пушкина почти за годъ до смерти послѣдняго и объявилъ имя; Пушкинъ схватилъ его за руки и сказалъ:

— Здравствуй, любезный другъ! Я давно желалъ видѣть тебя!

Кольцовъ пробылъ долго, приходилъ и еще нѣсколько разъ, но никому не передавалъ, о чемъ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ.

Бывая у литераторовъ, Кольцовъ созывалъ ихъ и къ себѣ въ каждый пріѣздъ въ столицы и угощалъ, по словамъ Панаева, какою-то необыкновенною соленою рыбою (вѣроятно, балыкомъ): привезенною изъ Воронежа. На этихъ маленькихъ пирушкахъ Кольцовъ потчивалъ своихъ гостей по радушнымъ обычаямъ родины, обносилъ подносомъ пирующихъ, приглашалъ пить и сильно приставалъ не отказываться. Нерѣдко говорились на этихъ вечеринкахъ спичи; извѣстно напр., что на одной изъ нихъ Кольцовъ предложилъ тостъ за Станкевича.

Кольцовъ очень интересовался мнѣніемъ Пушкина о своихъ стихахъ. Авторъ «Каменнаго гостя» взялъ одну изъ тетрадокъ у прасола и во 2-й книжкѣ «Современника» въ 1836 году была помѣщена пьеса Кольцова «Урожай», затѣмъ больше ничего не было... По разсказу Краевскаго, Пушкинъ говорилъ, что не всѣ стихи Кольцова можно печатать; онъ находилъ у прасола большой талантъ, широкій кругозоръ, но бѣдность образованія, отчего эта «ширь» часто разсыпается фразами. Лермонтову, по словамъ того-же Краевскаго, очень нравились многія стихотворенія Кольцова. Изъ переписки поэта-прасола видно, что онъ очень безпокоился мнѣніемъ Пушкина о своемъ талантѣ, но этому безпокойству не суждено было продолжаться долго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Кольцова изъ Петербурга, гиганта русской поэзіи не стало... И обласканный имъ Кольцовъ одинъ изъ первыхъ съ жгучею скорбью отозвался на эту потерю

*

родины. «Слѣпая судьба,—писалъ онъ Краевскому въ восторженно-печальномъ письмѣ,—развѣ у насъ мало мертвецовъ, развѣ кромѣ Пушкина тебѣ нельзя было кому другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцевъ много,—за что-жъ ты ихъ любишь, къ чему бережешь? Злая судьба!» Поэтъ-прасолъ посвятилъ памяти Пушкина великолѣпное стихотвореніе «Лѣсъ».

Въ Воронежъ Кольцовъ вернулся изъ поѣздки окруженный ореоломъ. За время отъѣзда изъ роднаго города было напечатано нѣсколько его стихотвореній въ лучшихъ журналахъ и стало извѣстнымъ, что онъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и другими и былъ обласканъ этими корифеями родной литературы. Все это возбудило къ нему необычайный интересъ на родинѣ и съ этого начался періодъ самой большой его мѣстной славы... Онъ съ собою привезъ цѣлую библіотеку книгъ, такъ какъ каждый изъ новыхъ знакомыхъ литераторовъ дарилъ его своими произведеніями. Но что-же еще болѣе существеннаго въ духовномъ смыслѣ дала ему эта поѣздка?

Хотя Кольцовъ и не понималъ «абсолюта», но тѣмъ не менѣе усвоилъ многое изъ мыслей своихъ друзей. И прежде всего это отразилось, какъ мы уже говорили выше, на его «Думахъ». Эти произведенія, можетъ быть и уступающія по достоинствамъ пѣснямъ, представляютъ собою не только постановку вопросовъ о величайшихъ проблеммахъ и тайнахъ жизни и духа, но и попытки рѣшенія этихъ вопросовъ, на что конечно не могло хватить силъ у поэта. Затѣмъ прасолъ привезъ въ груди своей въ Воронежъ цѣлый міръ свѣтлыхъ грезъ о иныхъ людяхъ, о иныхъ высшихъ цѣляхъ жизни, которыя эти люди, казалось ему, преслѣдовали въ своей дѣятельности. Онъ привезъ теплыя воспоминанія о симпатичныхъ личностяхъ кружка Станкевича и, главное, о незабвенномъ Бѣлинскомъ. Несомнѣнно, что эти радужныя воспоминанія на первое время значительно согрѣли для поэта воронежскую «прозу», смѣнившую столичную жизнь. Затѣмъ мы видимъ, что въ поэзіи Кольцова съ этого времени начинаютъ рѣшительно преобладать народные мотивы... Отдавъ дань «мудрствованіямъ» въ своихъ «Думахъ», Кольцовъ погружается цѣликомъ въ ясное море народныхъ звуковъ. Муза гостиныхъ съ альбомными стишками, сентиментальными оборотами и фальшивыми звуками—имъ почти брошена. Въ это-же время онъ собираетъ народныя пословицы и пѣсни, въ чемъ видно вліяніе опять-таки его новыхъ зна-

комыхъ и друзей. Сохранилась тетрадка собранныхъ Кольцовымъ пословицъ, но сборникъ пѣсенъ погибъ съ другими бумагами поэта. Подъ вліяніемъ долгаго пребыванія въ столицахъ и послѣдовавшей за нимъ переписки съ Бѣлинскимъ, Краевскимъ и другими, въ поэтѣ поддерживался большій интересъ къ литературѣ и его вкусъ изощрялся. Интересно, что еще до того, когда былъ замѣченъ Лермонтовъ патентованными критиками, Кольцовъ, благодаря своему чутью, горячо увлекался стихами геніальнаго поэта. Тѣмъ не менѣе, прасолъ возмущался ухарствомъ пѣвца «Демона»: закуриваніемъ трубокъ ассигнаціями и кутежами, что продѣлывалъ Лермонтовъ въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ черезъ Воронежъ.

Но когда Кольцовъ побывалъ въ столицахъ, когда познакомился со столькими талантливыми и блестящими людьми, заставившими его живо почувствовать свое скудное образованіе,—на него находили часто моменты недовѣрія къ своимъ силамъ и таланту, что онъ не разъ и высказывалъ въ письмахъ къ друзьямъ и въ словесной бесѣдѣ съ ними. Такъ, читая разъ въ саду любовную сцену изъ «Ромео и Джульеты» Шекспира, растроганный и трепещущій отъ восторга прасолъ сказалъ:

—Вотъ былъ истинный поэтъ! А я что, какой мой талантъ? Ледащій!

Здѣсь-же мы должны указать на несомнѣнный художественный темпераментъ Кольцова; читая поэтовъ, онъ приходилъ въ восторженное состояніе и его, какъ и другихъ, подавлялъ всемогущій геній Шекспира, съ произведеніями котораго онъ былъ уже давно знакомъ; музыка приводила его порою въ лихорадку.

Побывавъ въ кружкѣ «ученыхъ» людей и увидѣвъ, что кромѣ «изящной словесности» есть еще безграничный міръ интересныхъ знаній, Кольцовъ, какъ мы сказали, больше чѣмъ когда нибудь начинаетъ чувствовать бѣдность своего образованія и страстное желаніе пополнить его, о чемъ впослѣдствіи не разъ пишетъ Бѣлинскому. «Будь человѣкъ и геніальный, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ критику, а не умѣй грамотѣ—не прочтешь и вздорной сказки. На всякое дѣло надо имѣть полные способы. Прежде я таки, грѣшный человѣкъ, думалъ о себѣ и то и то, а теперь кровь какъ угомонилась, такъ и осталось одно желаніе въ душѣ—учиться...» И подъ вліяніемъ этого желанія репертуаръ чтенія Кольцова становится значительно разнообразнѣе и серьезнѣе: онъ читаетъ уже не одни стихи и романы, но и книги по исторіи, философіи и политикѣ.

Не мало привезъ отъ своихъ друзей Кольцовъ и «либеральныхъ» идей объ отношеніяхъ къ жизни, людямъ и любви. Эти идеи конечно пришлись не по плечу Воронежу и должны были возмущать смиренныхъ обывателей губернскаго захолустья. Такъ напримѣръ, въ письмѣ къ своей довольно близкой родственницѣ («сестрицѣ»), къ которой онъ питалъ давно уже страстныя чувства, поэтъ говоритъ: «что за обязанность сохранять до гроба вынуж-«денную предалтарную клятву,—ничтожному рабу быть послушной «рабыней? Хранить къ нему вѣрность, любить его противъ жела-«нія? И странно, и смѣшно!»

Побывавъ у литературныхъ свѣтилъ и немножко, можетъ быть, возгордившись своимъ успѣхомъ у нихъ, поэтъ въ концѣ концовъ сталъ относиться иначе и къ своимъ обязанностямъ, и къ семьѣ, и къ знакомымъ... Начинался разладъ въ отношеніяхъ его къ окружающей жизни. Этого и надо было ждать. Зародыши указаннаго разлада давно были въ душѣ поэта, а теперь, послѣ поѣздки въ Петербургъ и Москву, промелькнувшей передъ нимъ видѣніемъ изъ какой-то другой жизни, взаимныя отношенія съ Воронежомъ должны были обостриться. Послѣ рѣзкаго, сильнаго свѣта тьма кажется еще темнѣе и ужаснѣе. Такъ было и съ Кольцовымъ: слишкомъ еще много тьмы было въ его воронежской обстановкѣ... Напрасно нѣкоторые біографы Кольцова (напримѣръ, де-Пуле) взваливаютъ вину за этотъ разладъ на Бѣлинскаго. По ихъ мнѣнію, вся бѣда въ томъ, что критикъ враждебно настраивалъ Кольцова противъ окружающихъ его людей; онъ постоянно раздувалъ въ немъ искру недовольства дѣйствительностью въ цѣлый пожаръ, между тѣмъ какъ крайнія идеи Бѣлинскаго были непримѣнимы къ окружавшей поэта обстановкѣ. Но Бѣлинскій былъ слишкомъ искренній, хотя и увлекающійся человѣкъ, чтобъ можно было представить его въ роли проповѣдника оппортунизма: если онъ видѣлъ зло, то направлялъ на борьбу съ нимъ всѣ силы своей честной души... И было-бы просто смѣшно вообразить кипучаго, возвышеннаго Виссаріона въ роли примирителя поэта съ кулачествомъ и торгашествомъ. Рано или поздно разладъ долженъ былъ обнаружиться: поэзія и кулачество не могутъ оставаться вѣчно друзьями... Біографы, оспаривающіе благотворность вліянія на Кольцова со стороны Бѣлинскаго, желаютъ, кажется, доказать, что если-бы поэтъ оставался прасоломъ, если-бы критикъ не будировалъ его, то поэзія и жизнь Кольцова были-бы

цѣльнѣе... Это такое странное мнѣніе, съ которымъ не стоитъ и спорить. Мы напротивъ глубоко убѣждены, что только работа мысли и чувства, только грезы и идеалы, возбужденные Бѣлинскимъ и его друзьями въ Кольцовѣ,—только эта умственная работа и освѣтила жизнь послѣдняго, какъ сознательную дорогу, и сообщила его поэзіи истинно-прекрасный характеръ. Впрочемъ, «раздвоеніе» Кольцова выразилось рѣзче нѣсколько позднѣе, пока-же оно проявлялось въ смутной формѣ и часто еще уступало мѣсто той «жизнерадостности», о которой мы говорили выше.

Время съ 1835 по 1838 г. было временемъ самой большой извѣстности Кольцова въ Воронежѣ: всѣ его знали и наперерывъ приглашали къ себѣ. А въ 1837 г. случилось событіе, которое заставило и «кремня»—старика Кольцова смотрѣть на «баловство» сына стихами серьезно и даже основать на этомъ «баловствѣ» тонкіе разсчеты и ожиданія, въ значительной степени осуществившіеся. Въ іюлѣ 1837 года въ Воронежѣ былъ проѣздомъ Наслѣдникъ, котораго между другими сопровождалъ и Жуковскій.

Семейство Кольцовыхъ мирно засѣдало за трапезой, когда вдругъ неожиданно явился отъ губернатора жандармъ за поэтомъ. Тотъ, испуганный, отправляется къ начальнику губерніи и его тамъ ласково встрѣчаетъ самъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Знаменитый поэтъ и приближенное къ Наслѣднику лицо, Жуковскій, все свободное время въ Воронежѣ проводилъ съ Кольцовымъ: былъ у него въ домѣ, познакомился съ семьей и пилъ тамъ чай... Весь городъ былъ свидѣтелемъ, какъ прасолъ Кольцовъ гулялъ и ѣздилъ съ знаменитымъ поэтомъ и вельможею. Это конечно еще больше подняло фонды Кольцова въ городѣ. Мало того, Жуковскій, посѣтивъ гимназію и собравъ учителей, много и краснорѣчиво говорилъ имъ о большомъ талантѣ Кольцова и приглашалъ ихъ знакомиться съ поэтомъ. Обо всемъ этомъ Кольцовъ съ восторгомъ разсказываетъ въ письмахъ къ Краевскому. Впослѣдствіи отецъ Кольцова и родные, сообщая о посѣщеніи ихъ дома «вельможею», обставляли это свиданіе совершенно невѣроятными и легендарными подробностями...

Къ этому-же времени слѣдуетъ отнести установленіе лучшихъ отношеній поэта къ его младшей сестрѣ, Анисьѣ, единственной остававшейся еще невыданною замужъ и ж:вшей въ домѣ старика отца. Кольцовъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе сестры. Видно, что талантливость была врожденнымъ качествомъ всѣхъ Кольцо-

выхъ: сестра прасола была съ несомнѣнными поэтическими дарованіями. Тонкая цѣнительница стиховъ, она прекрасно читала Пушкина. Самоучкою Анисья выучилась по французски и на фортепьяно, на которомъ вѣроятно играла у сестры своей Башкирцевой, такъ какъ имѣются сомнѣнія на счетъ того, чтобъ старикъ Кольцовъ, человѣкъ «стараго завѣта», позволилъ держать фортепьяно у себя. Присутствіе рядомъ, у себя-же дома, друга, способнаго цѣнить поэзію, очень было важно для Кольцова. И мы видимъ, что они съ сестрою часто ведутъ горячіе споры, поэтъ постоянно читалъ ей свои стихи и спрашивалъ:

— Какъ по твоему, Анисочка?

— А вотъ такъ-то, Алешенька.

И Кольцовъ часто, по замѣчаніямъ сестры, поправлялъ свои стихотворенія. Изъ писемъ поэта къ Краевскому мы видимъ, что за это-же время первый усиленно хлопоталъ о новомъ изданіи своихъ стихотвореній, дополненномъ напечатанными въ разныхъ журналахъ и вновь написанными. Поэтъ не смотрѣлъ на это дѣло, какъ на средство для наживы, и заранѣе разсчитывалъ на убытокъ. «За свои стихи,—пишетъ онъ въ 1837 г. Краевскому,—денегъ не бралъ и буду-ли брать когда-нибудь? Цѣна имъ дешевая, а награда великая. Вы, слава Богу, не побрезгали мною, приняли въ число своихъ знакомыхъ, обласкали, помогли, познакомили съ людьми, которыхъ я не стою и не буду стоить никогда. Чего-жъ мнѣ больше?»

Но поэту не суждено было дожить до этого втораго изданія, хотя мысль о немъ долго не покидала его.

Горячая рекомендація Жуковскаго не осталась безъ послѣдствій и, какъ мы уже говорили, поэтъ бывалъ, когда ему позволяли обширныя къ тому времени, хотя уже и начинавшія разстраиваться, дѣла отца, во многихъ домахъ. Условія кружковъ, гдѣ онъ вращался, измѣнились въ это время къ лучшему. Директоръ гимназіи Савостьяновъ былъ литературно-образованный человѣкъ; онъ хорошо относился къ Кольцову и пропагандировалъ его въ высшихъ слояхъ воронежскаго общества. Квартира учителя гимназіи Добровольскаго была центромъ, гдѣ обыкновенно собиралась «интеллигенція». Но порою набѣгали и тучи... Начинавшійся въ душѣ поэта разладъ давалъ себя чувствовать. Для Кольцова наступалъ уже зрѣлый возрастъ; юношескій пылъ, когда все «перемалывалось» и становилось «мукою», проходилъ и ему приходилось

поневолѣ задумываться надъ своимъ положеніемъ. Поэтъ рвался душою въ свѣтлый міръ грезъ, а судьбою былъ посаженъ въ болотную трясину,—и часто тяжелыя чувства волновали широкую грудь прасола: какъ ему выйти изъ своего положенія? Какъ устроиться, чтобъ душа не возмущалась этими печальными явленіями мелкаго торгашества? И онъ часто останавливается на мысли объ установленіи крупныхъ торговыхъ сношеній прямо со столицами; онъ лихорадочно принимается за постройку большого дома, на Дворянской улицѣ, думая впослѣдствіи устроить въ немъ книжный магазинъ и проводить время среди столь любимыхъ имъ книгъ.

«Крутой» норовъ и самодурство отца причиняли не мало огорченій Кольцову и ставили его въ неловкое и ложное положеніе по отношенію къ новымъ «интеллигентнымъ» знакомымъ. Разъ, напримѣръ, нѣсколько друзей Кольцова вмѣстѣ нагрянули къ нему. Онъ ихъ принялъ въ большой комнатѣ и усадилъ въ передній уголъ, подъ образами. Вооружились трубками и начали бесѣду. Вдругъ пришелъ отецъ.—«Мой батенька»,—сказалъ поэтъ, обращаясь къ гостямъ. Отецъ, громко проговоривъ: «вотъ съ рожнами забрались подъ иконы», ушелъ въ слѣдующую комнату. Это конечно заставило поэта сконфузиться и извиниться за «батеньку». Такія сцены, вѣроятно не рѣдко повторявшіяся, отбивали охоту у пріятелей посѣщать Кольцова.

Страстно рвался Кольцовъ опять въ столицы, гдѣ его такъ обласкали въ прежнюю поѣздку и снова уѣхалъ туда въ концѣ 1837 г. «по дѣламъ», но гораздо больше посвятилъ времени литературѣ, чѣмъ дѣловымъ отношеніямъ. И опять онъ былъ многими обласкавъ и принятъ, какъ давнишній знакомый. Но эта поѣздка представляетъ и нѣкоторыя особенности: Кольцовъ является тутъ въ новомъ свѣтѣ и мы считаемъ необходимымъ остановиться на упоминаемомъ путешествіи.

Бѣлинскій, просидѣвши почти безъ заработка года полтора, съ марта 1838 г. былъ редакторомъ «Московскаго Наблюдателя», но и этотъ журналъ, какъ извѣстно, вскорѣ пересталъ издаваться, и критикъ, очутившійся въ бѣдственномъ положеніи, задумалъ переѣхать въ Петербургъ. Станкевича и другихъ пріятелей не было въ Москвѣ, кружокъ ихъ уже распадался,—всѣ эти обстоятельства волею-неволею заставляли Бѣлинскаго думать о своемъ положеніи. Кольцовъ, заѣхавшій не надолго въ Москву и спѣшившій въ Петербургъ, съ энергіей и умѣньемъ хлопоталъ за своего друга у

Полеваго и Краевскаго. Онъ такъ горячо расхваливалъ Москву, московскій кружокъ и Бѣлинскаго Панаеву, что отчасти его разсказы были причиною спѣшной поѣздки послѣдняго въ Москву.

Кольцовъ опять очутился въ кружкѣ петербургскихъ извѣстностей, но въ эту поѣздку смѣтливый прасолъ вѣроятно усиленно настроенный отцомъ, велъ вмѣстѣ съ литературой и другую линію... Онъ хотѣлъ воспользоваться своими знакомствами съ людьми высшаго круга съ чисто практическими цѣлями. Къ этому времени у Кольцовыхъ было нѣсколько тяжбъ на довольно крупныя суммы. Извѣстно, что́ такое представляли собою суды тогдашняго времени: въ нихъ безъ взятки или всемогущей протекціи самое правое дѣло могло оказаться беззаконнымъ и пролежало-бы подъ сукномъ вѣки-вѣчные. Въ этихъ тяжбахъ Кольцову могли оказать существенную пользу Жуковскій, князья Вяземскій и Одоевскій,— и поэтъ зналъ это. Еще въ 1836 году онъ писалъ про дѣла свои князю Вяземскому и просилъ заступничества. «Если что дурно написано,—заканчивалъ скромно прасолъ свое посланіе,—простите, Ваше Сіятельство: въ-первой съ-роду пишу къ князю».

Теперь-же, при личномъ свиданіи, Кольцовъ конечно съумѣлъ представить свои дѣла въ такомъ видѣ, что титулованные покровители не могли отказать въ содѣйствіи и снабдили его многими письмами, оказавшими огромную пользу. Вѣроятно для того, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь въ блистательныхъ салонахъ князей, Кольцовъ, и прежде любившій щегольнуть, теперь просто выводилъ изъ себя Бѣлинскаго своимъ мѣщанскимъ франтовствомъ. Можетъ быть, и это, бившее на эффектъ, но совершенно неизящное щегольство Кольцова было одною изъ причинъ пренебреженія къ прасолу петербургскихъ литераторовъ денди. Сутуловатый, неуклюжій Кольцовъ причесывалъ свои густые русые волоса щеголеватымъ проборомъ и жирно ихъ помадилъ. На манишкѣ его сверкали пуговицы съ камешками, сверхъ жилета красовалась цѣпь отъ часовъ. Онъ былъ даже раздушенъ, за что ему жестоко доставалось отъ Бѣлинскаго.

—Охота вамъ, А. В., прыскаться и душиться какою-то гадостью,—говорилъ критикъ,—отъ васъ какимъ-то бергамотомъ или гвоздикою пахнетъ... Это не хорошо... Если мнѣ не вѣрите, спросите у него!—и Бѣлинскій указывалъ на Панаева,—онъ—франтъ, онъ ужъ, батюшка, авторитетъ въ этомъ дѣлѣ!

Къ своимъ прежнимъ знакомствамъ Кольцовъ прибавилъ массу

новыхъ: онъ зналъ почти всѣхъ, заслуживавшихъ интереса, литераторовъ и художниковъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что даже у многихъ представителей beau-mond'а, подъ вліяніемъ вѣроятно разсказовъ Жуковскаго, князей Вяземскаго и Одоевскаго, возбуждался интересъ съ поэту-прасолу: онъ напримѣръ, напутствуемый письмами вышеупомянутыхъ лицъ, былъ у графа и графини Ростопчиныхъ, у княгини Щербатовой и друг.

Но, бывая на собраніяхъ литераторовъ, скромный когда-то прасолъ, набравшійся уже теперь смѣлости, пытался иногда вступать въ разговоры и на своемъ странномъ и грубоватомъ языкѣ порой высказывалъ мысли вѣрныя и глубокія. Это возмущало многихъ изъ петербургскихъ литераторовъ, недоумѣвавшихъ, какъ этотъ parvenu, допущенный до чести слушать ихъ высокопарныя и звонкія, но пустыя фразы, позволялъ себѣ дѣлать простыя, но мѣткія и вѣрныя замѣчанія. Кольцовъ не любилъ петербургскихъ литераторовъ, онъ видѣлъ ихъ фальшивыя отношенія къ себѣ и это его печалило. Письма къ Бѣлинскому (за позднѣйшее время) наполнены его жалобами по этому поводу. Но, понятно, были и тутъ исключенія: онъ очень сердечно отзывался о Плетневѣ и Панаевѣ. Все-таки петербургскимъ друзьямъ поэта-прасола, по его мнѣнію, было далеко, какъ отъ земли до неба, — до московскихъ пріятелей, къ которымъ лежало его сердце.

Три мѣсяца пробылъ Кольцовъ въ Петербургѣ. За это время онъ раза два или три сзывалъ къ себѣ знакомыхъ и угощалъ ихъ своею знаменитою «рыбою». Кромѣ «рыбы», на этихъ вечерахъ врядъ-ли было что-нибудь объединяющее между скромнымъ, не «отполированнымъ» прасоломъ и «полированными» петербуржцами, умѣвшими поддерживать тонкій и остроумный разговоръ. Кольцову-же все приходилось больше молчать и обходить съ подносомъ гостей. Не могъ-же онъ, при своей скрытности, выносить къ этимъ людямъ, изъ которыхъ многихъ не совсѣмъ долюбливалъ, какъ на базаръ, свои лучшія чувства и вѣрованія,—а гости уходили отъ поэта совсѣмъ разочарованными... Со своими разнокалиберными посѣтителями онъ велъ себя уклончиво, былъ «себѣ на умѣ». «О душевной жизни вечеровъ моихъ и прочихъ не знаю, что вамъ сказать,—писалъ Кольцовъ Бѣлинскому,—кажется, они довольно для души холодны и для ума мелки... серьезный разговоръ о пустоши людей, серьезныхъ не по призванію, а по роли, ими разыгрываемой»...

За то опять вольною грудью вздохнулъ Кольцовъ въ Москвѣ, гдѣ онъ, возвратившись изъ Петербурга, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ кружкѣ своихъ московскихъ друзей, со стороны которыхъ поэтъ видѣлъ искреннее чувство, онъ распахивалъ душу и высказывалъ завѣтныя мысли. Здѣсь застѣнчивый, скрытный прасолъ преображался: онъ горячился, волновался и порою высказывался на своемъ оригинальномъ, грубоватомъ языкѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя-бы не годились для печати. Что въ такіе моменты прасолъ былъ интересенъ и что бесѣда съ нимъ доставляла удовольствіе—единогласно подтверждаютъ Бѣлинскій, Панаевъ, Краевскій и Катковъ. А это все такіе люди, которые видѣли свѣтъ,—и всѣхъ ихъ въ преувеличеніи, вызванномъ дружескимъ чувствомъ къ памяти покойнаго поэта, трудно обвинить.

Интересно, что Кольцовъ былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Катковымъ, тогда еще студентомъ Московскаго университета. Московскій публицистъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (въ 1856 г.) задушевныя воспоминанія о поэтѣ-прасолѣ. Кольцовъ былъ очень откровененъ съ знаменитымъ впослѣдствіи газетчикомъ. Катковъ присутствовалъ при рожденіи многихъ стиховъ прасола. По воспоминаніямъ публициста, Кольцовъ обыкновенно выглядѣлъ озабоченнымъ и пасмурнымъ. Онъ часто читалъ стихи и спрашивалъ мнѣніе о нихъ слушателя. Если пьеса была плоха, онъ самъ это первый чувствовалъ. «Душа поэта,—по словамъ Каткова,—отличалась удивительною чуткостью... При всей скудости образованія, какъ много онъ понималъ! Безграничная жажда знанія и мысли томили его... Никогда не забуду бесѣдъ съ нимъ!»

И Катковъ вспоминаетъ проведенную у Кольцова ночь въ Зарядьи, въ мрачномъ и грязномъ подворьѣ. Часы летѣли, какъ минуты. Сколько поэзіи, сколько звуковъ было въ этомъ «кремнѣ», въ этомъ длиннополомъ, приземистомъ, сутуловатомъ прасолѣ!

Прекрасное расположеніе духа, вызванное близостью дорогихъ людей и обожаемаго Бѣлинскаго, отодвинувшія далеко-далеко дрязги мѣщанской дѣйствительности и постоянный живой обмѣнъ мыслей съ друзьями—все это способствовало тому, что 1838 годъ былъ самымъ производительнымъ въ поэтической дѣятельности Кольцова: въ этомъ году написаны самыя лучшія вещи поэта.

Но какъ хорошо ни было въ Москвѣ,—слѣдовало все таки отправляться домой, къ быкамъ, салу и другимъ такимъ-же ин-

тереснымъ вещамъ. Эта необходимость возвращенія должна была конечно возбуждать грустныя чувства у поэта. Онъ такъ долго жилъ въ свѣтломъ мірѣ мысли, среди бойцовъ возвышенной области знанія и поэзіи, что начиналъ уже освоиваться съ этимъ міромъ, какъ со своимъ кровнымъ... А между тѣмъ этотъ манящій міръ битвъ за добро, за правду оказался для него въ концѣ-концовъ заколдованнымъ царствомъ, куда ему не суждено было попасть на постоянное житье.

Отголосокъ этой грусти, этого очарованія минувшимъ и сознанной необходимости жить тамъ, гдѣ тяжело живется, слышится въ письмѣ Кольцова къ Бѣлинскому по возвращеніи въ Воронежъ. «Въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже,—пишетъ прасолъ,—скучно, грустно, бездомно въ немъ... Дѣла коммерціи безъ меня разстроились, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть... Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и вашихъ друзей... Вы и они много для меня сдѣлали,—о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе 2 мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни»...—Затѣмъ Кольцовъ прибавляетъ, что въ его жизни «матеріализмъ дрянной, гадкій и вмѣстѣ съ тѣмъ—необходимый... Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время!»

Такъ иронизировалъ поэтъ-прасолъ надъ своимъ положеніемъ... Какъ тяжела эта «тина» жизни для организацій поэтическихъ, сколько она сгубила свѣтлыхъ и многообѣщавшихъ дарованій!

ГЛАВА V.

Послѣдніе годы жизни Кольцова.

Страданіе—удѣлъ всего живущаго.—„Уравновѣшенные“ люди.—Обнаруженіе глубокаго разлада въ жизни Кольцова. — Тяжебныя дѣла.— Поэтъ въ роли „сутяжника“.—Титулованные предстатели.—Унизительныя сцены съ чиновниками.—Просительныя письма.—Смерть Серебрянскаго и горе Кольцова —Увлеченіе философіей.—Сцена у Никитенко.- Недовольство воронежцевъ поэтомъ.—Басня „Чижъ-Подражатель“.—Размолвки съ отцомъ.—„Кремневые“ характеры —Недовольство окружающею жизнью. – Невозможность порвать съ нею.—Предложеніе со стороны Краевскаго.—Послѣдняя поѣздка „къ друзьямъ“.— Окончательное возвращеніе въ Воронежъ.—Ссора съ сестрою —„Отравительные восторги любви“.—Болѣзнь Кольцова.—Послѣднее время его жизни.—Пріятель-докторъ.—Предсмертное свиданіе съ Аскоченскимъ --Страданія больнаго. Смерть.—Памятникъ „поэту прасолу“.

Мимолетны радости жизни и продолжительны ея горести!

Радость—рѣзвая гризетка,
Посидитъ на мѣстѣ рѣдко:
Разъ, другой поцѣловала,
Да—гляди—и убѣжала..
А старуха-горе дружно
Приласкаетъ, приголубитъ;
Торопиться ей не нужно:
Посидѣть съ работой любитъ!

Страданіе—удѣлъ всего живущаго. Если кому выпали радости въ молодости, то черствая, тяжелая рука времени мнетъ эти цвѣты и они вянутъ къ старости подъ холоднымъ дыханіемъ жизни. И чѣмъ выше, чѣмъ чутче организація человѣка; чѣмъ онъ больше опередилъ вѣкъ своими нравственными и умственными качествами; чѣмъ онъ выше понятій той среды, въ которой суждено ему вращаться; чѣмъ наконецъ яснѣе онъ понимаетъ всю гадость окружающей обстановки и обычаевъ, съ которыми, какъ привыкшій къ ярму волъ, освоились люди,—тѣмъ тяжелѣе такому человѣку, тѣмъ печальнѣе его существованіе... И благо тѣмъ «уравновѣшеннымъ» людямъ, которые индифферентно относятся къ окружающему и по

которымъ едва скользятъ впечатлѣнія жизни, не затрогивая въ душѣ ихъ ничего «святаго», потому что этого «святаго» въ нихъ не имѣется...

Наступили и для Кольцова тяжелые дни...

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла!

Такъ онъ говорилъ про лучшую пору своей жизни... Но теперь:

Догорѣли огни, облетѣли цвѣты,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!

Глубокій разладъ, таившійся въ жизни Кольцова, о которомъ мы уже говорили, обнаруживался все яснѣе и яснѣе. Отвыкнувъ въ столицахъ, среди интересныхъ и прекрасныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ благородной сферѣ слова, отъ мелкихъ заботъ своей несимпатичной торгашеской профессіи, Кольцовъ начинаетъ довольно брезгливо относиться къ ней; а между тѣмъ дѣла, за отсутствіемъ его, въ рукахъ старика, по обыкновенію, пришли въ безпорядокъ и сыну слѣдовало-бы тѣмъ съ большею энергіею взяться за нихъ... Онъ сначала и брался, и поправлялъ, но дѣлалъ это уже съ худо скрываемымъ пренебреженіемъ, что̀ вызывало неудовольствіе со стороны отца и обостряло отношенія его къ сыну. Были и еще обстоятельства, отвлекавшія Кольцова какъ отъ его торговыхъ занятій, такъ и отъ литературы: это безконечныя тяжбы, которыя ему приходилось вести съ крестьянами и лицами другихъ сословій... И какое грустное зрѣлище представлялъ поэтъ въ роли сутяжника!

Своихъ земель для корма скота и посѣвовъ у Кольцовыхъ не было и они должны были снимать въ аренду степи у крестьянъ и сосѣднихъ владѣльцевъ, что и порождало, при непокладливости старика Кольцова, безчисленныя тяжбы. Впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ тяжбъ возбуждалъ уже и самъ сынъ. Во многихъ изъ нихъ дѣло, какъ говорится, было «не чисто» и, къ чести поэта, слѣдуетъ сказать, что онъ ими тяготился.

Разсчеты отца Кольцова на «стишки» сына, какъ на средство обдѣлывать дѣлишки, оправдались исторіею многихъ изъ этихъ тяжбъ. Знакомые поэта «сіятельные» литераторы снабжали его

горячими рекомендательными письмами и личнымъ представительствомъ какъ передъ мѣстными властями, такъ и предъ столичными, когда дѣла восходили до Сената и Министерствъ. Многія изъ этихъ писемъ имѣли желанное дѣйствіе; но съ одной стороны, покровительство сильныхъ людей дѣлало то, что отецъ и сынъ съ бо̀льшею легкостью затѣвали тяжбы, разсчитывая на могучую протекцію титулованныхъ предстателей; а съ другой — даже эти ходатайства не избавляли поэта отъ «волокитъ». и часто позорныхъ и тяжелыхъ для его самолюбія сценъ.

Всякому извѣстно, какими условіями было обставлено хожденіе по дѣламъ въ «доброе» старое время. Если и теперь еще нѣкоторые изъ столоначальниковъ воображаютъ себя олимпійскими божествами и наивно полагаютъ, что не они должны служить обществу, а общество создано для нихъ; если вмѣсто того, чтобъ облегчать всѣми мѣрами ходъ громоздкой государственной машины, подобные дѣятели считаютъ самою главною ролью въ этой машинѣ—роль тормазовъ, то про чиновниковъ времени Кольцова и говорить нечего. Сколько униженій приходилось выносить поэту! Чиновники не хотѣли видѣть въ немъ уже извѣстнаго народнаго поэта, пѣснями котораго восторгались Жуковскій, кн. Одоевскій и Вяземскій и которому критикъ Бѣлинскій пророчилъ долговѣчную славу; для нихъ Кольцовъ былъ только «мѣщанинъ», обязанный выжидать въ переднихъ и выслушивать безцеремонное «тыканье». Эти обстоятельства не мало подливали горечи въ жизнь Кольцова. Въ письмѣ къ кн. Одоевскому поэтъ рисуетъ напримѣръ такую сцену. Пришелъ онъ къ управляющему палатою государственныхъ имуществъ, Карачинскому,—узнать по поводу дѣла, испытавшаго уже всякія мытарства и благополучно разрѣшившагося во всѣхъ инстанціяхъ. Остановка была только за Карачинскимъ.

— Ты зачѣмъ? спросилъ управляющій поэта.

— По дѣлу.

— Вы плутуете, мошенничаете, шляетесь по всѣмъ мѣстамъ, а какъ дѣло,—то и лѣзете ко мнѣ!

Кольцовъ объяснилъ, что вовсе не по «всякимъ» мѣстамъ шляется, а былъ у губернатора, гдѣ никому бывать не стыдно.

— Ну, и ступай опять къ нему! объявилъ Карачинскій.

Такъ ни съ чѣмъ не разъ уходилъ поэтъ отъ управляющаго, а дѣло было важное и крупное. Тогда онъ обратился къ одному

знакомому чиновнику, служившему у Карачинскаго. Тотъ обѣщалъ доложить и сказалъ прасолу:

— Принеси-ка ему свою книжку: онъ самъ науку любитъ и знаетъ!

Кольцовъ отнесъ книжку. Новое свиданіе было мягче прежнихъ, но опять вышла запинка.

— Дѣло придется отослать въ департаментъ! объявилъ Карачинскій.

— Помилуйте, да вѣдь мое дѣло правое: зачѣмъ-же тянуть?

— Знаю, что правое, да губернаторъ мнѣ *щекотливо* написалъ, пусть насъ департаментъ разберетъ!

Очень характерная подробность и, можетъ быть, не для чиновниковъ только того времени. Изъ за этой «щекотливости» не мало бываетъ «отписокъ» и безплоднаго бумагомаранія.

Много приходилось писать прасолу по поводу тяжебныхъ дѣлъ и иногда «колѣнопреклоненно» благодарить высокихъ благодѣтелей. Эти судебныя «закорючки», вызвавшія въ 1840 г. послѣднюю поѣздку Кольцова въ столицы, вѣроятно не мало досаждали знатнымъ покровителямъ поэта, какъ это напримѣръ онъ самъ полагаетъ про Жуковскаго. Надо однако правду сказать, письма Кольцова къ этимъ лицамъ составлены замѣчательно тактично и умно: въ нихъ такъ переплетаются интересы чисто литературные съ предметомъ просьбы,—такъ прекрасно, хотя и преувеличенно, разсказывается о тяжелыхъ обстоятельствахъ поэта и его семьи; въ нихъ наконецъ сквозитъ порою такъ задушевно и сердечно выраженная лесть, что нужно быть очень грубымъ и жесткимъ человѣкомъ, чтобъ отказать въ просьбахъ. Но на такое жестокосердіе не оказались способными благодушные корреспонденты мѣщанина Кольцова, искренно желавшіе помочь поэту, которому, какъ писалъ онъ, «хотѣлось сбросить эту грязь, потому что жить такъ, какъ живется теперь, нѣтъ ужъ силы».

Вскорѣ по пріѣздѣ Кольцова изъ второй (1838 г.) поѣздки въ столицы, его постигло большое горе. Другъ его юности, человѣкъ, котораго онъ такъ любилъ и которому не мало былъ обязанъ, симпатичный Серебрянскій давно уже болѣлъ чахоткою. Врачи совѣтовали ему уѣхать изъ Москвы на родину,—и тутъ-то поэтъ оказалъ дѣйствительную услугу своему товарищу, давъ ему средства на поѣздку изъ столицы и устроивъ его въ слободѣ Коз-

ловкѣ, гдѣ жили мать и сестры больнаго. Но недолго послѣ этого протянулъ Серебрянскій и въ концѣ 1838 г. умеръ.

Хотя у поэта и были размолвки съ покойнымъ, но дружба съ нимъ, скрѣпленная въ самую горячую пору жизни, въ молодости, имѣла столько чаръ, что противостояла всѣмъ искушеніямъ,—и прасолъ искренно оплакивалъ своего друга. «Серебрянскій умеръ,— пишетъ Кольцовъ Бѣлинскому.—Да, я лишился человѣка, котораго столько лѣтъ любилъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбылось, много надеждъ не исполнилось,—проклятая болѣзнь! Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, сокрылся навсегда... Нужда и горе сокрушили тѣло страдальца... Грустно думать, былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ—и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданія мретъ безотвѣтно въ безчувственной, дали!.» Затѣмъ въ другомъ письмѣ: «Вмѣстѣ мы съ нимъ росли вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили... И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ... Вотъ почему я онѣмѣлъ было совсѣмъ и хотѣлъ всему сказать: прощай! И если-бы не вы, я все бы потерялъ навсегда!»

Мы уже говорили раньше о томъ, что Кольцовъ, съѣздивъ къ «свѣтиламъ» и гордый своею поэтическою славою, не могъ избавиться отъ тщеславныхъ побужденій — играть крупную роль въ Воронежѣ среди интеллигенціи. Ему хотѣлось быть тамъ истолкователемъ и пропагандистомъ философскихъ идей Бѣлинскаго и его кружка; но на эту роль не хватало умѣнья и главное — знаній и образованія. Это было мучительно-непріятно для поэта при его самолюбіи, тѣмъ болѣе, что окружающіе его люди давали иногда очень рѣзко понять всю неумѣстность принятой имъ на себя роли. И дѣйствительно, должно казаться смѣшнымъ желаніе Кольцова, плохо справлявшагося съ «абсолютомъ» и едва по наслышкѣ знакомаго съ Гегелемъ, развивать смутно сознаваемыя имъ идеи объ отношеніяхъ этого философа къ искусству, жизни, природѣ и религіи. Но что самъ Кольцовъ, не шутя, воображалъ себя адептомъ этой философіи и съ чужаго голоса, кстати и некстати, толковалъ о ея терминахъ, плохо ихъ понимая, доказывается его письмами, гдѣ напримѣръ попадаются выраженія вродѣ «олицетворенія мощной воли до невозможности» (изъ письма къ Жуковскому) и др. Но всего лучше на это указываетъ отрывокъ изъ дневника извѣстнаго профессора Никитенко, который мы приве-

демъ здѣсь. «У меня былъ Кольцовъ,—пишетъ въ 1840 г. Никитенко,—нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ по своей простотѣ и задушевности стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» (Бѣлинскій). Они его развратили. Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ Гегелевской философіи. Онъ до того зарапортовался у меня, что мнѣ стало больно и грустно за него... Неученый и неопытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ наставниковъ и покровителей, онъ, пройдя сквозь ихъ руки, утратилъ свое драгоцѣннѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ...»

Дошло даже до того, что бывшіе у Никитенко знакомыя заподозрили Кольцова въ нетрезвости, чего конечно совсѣмъ не было.

Разумѣется, немного было нужно проницательности, чтобъ раскусить пониманіе Кольцовымъ философіи и находить смѣшною его новую роль въ воронежскомъ обществѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, было не мало людей образованныхъ и начитанныхъ. Но, повторяемъ немногіе свободны отъ искушеній тщеславнаго чувства. И Кольцовъ былъ не прочь показать себя, какъ философа, какъ близкаго и понимающаго единомышленника людей, съ которыми онъ жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Такая заносчивость Кольцова естественно отдалила отъ него прежнихъ воронежскихъ пріятелей. Нѣкоторые изъ нихъ, завидовавшіе поэту и клеветавшіе на него, были сами виноваты въ размолвкѣ, но во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ исторіи разрыва съ добрымъ и симпатичнымъ Кашкинымъ, своимъ первымъ учителемъ и благодѣтелемъ, несомнѣнно виновенъ самъ Кольцовъ: онъ впослѣдствіи, какъ мы знаемъ, даже мелочно отомстилъ Кашкину, посвятивъ одно изъ своихъ стихотвореній Серебрянскому, между тѣмъ какъ оно предназначалось книгопродавцу.

Обиженные заносчивостью прасола, мѣстные стихотворцы отплатили ему тонкою местью: они пригласили поэта въ свое собраніе, гдѣ прочитали басню одного изъ нихъ (Волкова) «Чижъ-Подражатель». Въ этой баснѣ, очевидно намекавшей на Кольцова, изображалась скромная птичка, услаждавшая слушателей своимъ простымъ чиликаньемъ; но она попала въ барскія хоромы, гдѣ распѣвали очень ученыя птицы. Чижъ тоже захотѣлъ пѣть «поученому»—и только всѣхъ насмѣшилъ.

*

Такія отношенія не могли настраивать къ мягкости ни ту, ни другую сторону и несправедливо пишетъ поэтъ Бѣлинскому про своихъ прежнихъ друзей: «Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые... Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мною смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ... Я повернулъ себя отъ нихъ на другую сторону... Такимъ образомъ все идетъ ладно; а то что въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ *дураковъ*—враговъ».

Такимъ образомъ отношенія Кольцова къ окружающимъ обострялись, и намъ самимъ приходилось не мало слышать отъ нѣкоторыхъ старожиловъ-воронежцевъ о томъ, что поэтъ зазнался и обижалъ своихъ прежнихъ пріятелей. И эти свидѣтельства вполнѣ сходятся съ указаніями изъ другихъ источниковъ.

Чтобы понять размолвку поэта съ отцомъ, обнаружившуюся за это время съ большою силою, нужно имѣть въ виду суровый характеръ старика и патріархальные обычаи въ его домѣ. Василій Петровичъ былъ настоящимъ «кремнемъ». Онъ не терпѣлъ противорѣчій, а сынъ часто ихъ позволялъ себѣ и даже критиковалъ дѣйствія отца, причемъ послѣдствія обыкновенно оправдывали предсказанія молодаго Кольцова. Старикъ не могъ легко этого переваривать: «Ты не мѣшайся въ мои дѣла, не учи!—обыкновенно говорилъ онъ сыну,—ты вотъ въ книжкахъ смыслишь, а тутъ не указывай!»

Оба съ характерами упорными и суровыми, отецъ и сынъ не забывали обидъ. Искры взаимнаго недовольства глубоко таились у нихъ на душѣ и часто при случаѣ вспыхивали яркимъ пожаромъ. Какъ отецъ не щадилъ сына, такъ и поэтъ не жалѣлъ отца и видѣлъ его насквозь. «Онъ человѣкъ простой,—пишетъ Кольцовъ про старика Бѣлинскому—купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотилъ на обухѣ... Его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для торговли»...

Оригинально было отношеніе старика къ дарованію сына: онъ сталъ смотрѣть на это дарованіе, какъ на «доходную статью» и хвастался имъ,—хвалился связями сына съ «генералами» и пускалъ такимъ образомъ, при случаѣ, пыль въ глаза Гусиновскимъ своимъ родственникамъ. Когда въ 1839 г. сынъ снова думалъ объ изданіи своихъ стиховъ, отецъ явился горячимъ поборникомъ этого предпріятія, но не потому, что оно являлось общественнымъ

дѣломъ, вкладомъ въ сокровищницу искусства, а потому, что отъ этого «большой барышъ» выйдетъ. Старикъ разсказывалъ въ торговыхъ рядахъ, что сынъ «написалъ такой важный пѣсенникъ, что ему обѣщаютъ царскую награду и вызываютъ въ Питеръ... Въ Питеръ ѣхать—много надо денегъ, но это дѣло дастъ большой капиталъ»...

Такъ прошло два года. Хотя матеріальная обстановка поэта не была плоха, но нравственныя дрязги, размолвки съ окружающими, натянутыя отношенія съ отцомъ, тяжбы и вся эта борьба въ области мелкихъ житейскихъ интересовъ утомляли душу... Его манилъ иной міръ,—міръ, гдѣ вращались его литературные друзья.

«Пророчески угадали вы мое положеніе (писалъ Кольцовъ Бѣлинскому въ 1840 г.). У меня самого давно уже лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ несдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь... Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно... Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду»...

Затѣмъ, вспоминая о проведенномъ имъ среди милыхъ людей времени въ 1838 г., когда его муза была такъ производительна, онъ дальше говоритъ: «А здѣсь кругомъ меня другой народъ: татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ... Судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, брань и разсчеты, брани и ссоры... И для чего пишу? Для васъ, для васъ однихъ, а здѣсь я за писаніе терплю одни оскорбленія»...

Отчего-же Кольцовъ не разорвалъ совсѣмъ съ этою опротивѣвшею ему обстановкою? Что этому мѣшало? Многое. Прежде всего мы пе должны забывать, что цитированныя выше письма писались въ состояніи аффекта, въ тѣ минуты, когда грусть подступала высокою волной, и когда вдали виднѣлся снова лучезарный міръ столицъ.... Изъ какихъ-бы неопредѣленныхъ элементовъ ни складывалось чувство любви или—скорѣе—привычки къ родинѣ, это чувство несомнѣнно сильно, и съ трепетомъ читаешь письма изгнанниковъ, изнывающихъ на далекой чужбинѣ по родимой сторонѣ. Но въ особенности сильно это чувство въ представителяхъ тѣхъ круговъ общества, которые, такъ сказать, «насидѣли» свои мѣста. Только у Чайльдъ-Гарольдовъ, испытавшихъ все въ жизни, изколесившихъ съ тоскою всѣ страны міра и нигдѣ

не нашедшихъ себѣ пріюта,—ко всему одинаково равнодушныхъ,—нѣтъ родины. Прасолъ все-таки любилъ свою род ну и ему нужно было много силы, чтобы оторваться отъ нея навсегда. Если-бы судьба толкнула Кольцова, съ его поэтическими стремленіями, въ міръ торгашей тогда, когда поэту было лѣтъ 18—20, то вѣроятно онъ съ ужасомъ-бы отвернулся отъ такой жизни... Но ему еще съ дѣтства пришлось втянуться въ эту жизнь; она, по выраженію Бѣлинскаго, украдкою подошла къ поэту и овладѣла имъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ увидѣть ея безобразіе... Кромѣ того Кольцова никогда не покидалъ здравый смыслъ и менѣе всякаго другаго онъ способенъ былъ питать иллюзіи на счетъ цѣны своего таланта на житейскомъ рынкѣ... Если еще и въ наше время литераторъ слишкомъ мало и неопредѣленно получаетъ за свой трудъ, который не всегда даже прокармливаетъ его; если и теперь писатель во многихъ случаяхъ навѣрно можетъ надѣяться только на то, что его похоронятъ съ вѣнками, приличными рѣчами и некрологомъ, то занятія литератора въ то время еще менѣе могли разсчитывать на успѣхъ въ матеріальномъ отношеніи. И Кольцовъ это хорошо видѣлъ; онъ зналъ, что Бѣлинскій— самъ Бѣлинскій, передъ которымъ прасолъ безгранично благоговѣлъ и котораго считалъ громаднѣйшею литературною величиною — не всегда имѣлъ увѣренность въ кускѣ хлѣба... Разсчитывать на заработокъ отъ стихотвореній Кольцовъ не могъ... «Что за нихъ дадутъ? писалъ онъ о стихахъ въ письмѣ къ пріятелямъ, въ Петербургъ.—И что за нихъ буду получать въ годъ? Пустяки: на сапоги, на чай, и только! Талантъ мой, надо правду говорить, — особенно теперь, въ рѣшительное время, — талантъ мой—пустой... Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ—дрянь... Что если въ 40 лѣтъ придется нищенствовать»...

А между тѣмъ у поэта развились уже привычки къ извѣстному матеріальному довольству и наступили такіе года, когда человѣку, много поработавшему, хотѣлось-бы видѣть себя обезпеченнымъ отъ нужды въ будущемъ... Кромѣ того на Кольцова были переведены всѣ дѣла и векселя отца на сумму до 20/т. рублей, и ужъ по одному этому онъ не могъ-бы уѣхать, такъ какъ въ тогдашнее время существовало личное задержан за долги и расправа съ должниками была самая безцеремонная. Всѣ эти обстоятельства, а также и здравый смыслъ, не покидавшій никогда Кольцова, заставили его отказаться отъ предложенія Краевскаго,

сдѣланнаго въ 1840 г., принять завѣдываніе конторою «Отечественныхъ Записокъ» и другаго предложенія—управлять книжною лавкою, основанною на акціяхъ.

Кольцовъ очень обрадовался, когда ему снова, въ сентябрѣ 1840 г., пришлось собраться въ столицы. Нужно было опять «ходатайствовать» по двумъ крупнымъ тяжбамъ и кромѣ того поэтъ сопровождалъ 2 гурта быковъ (300 головъ), на сумму до 12.000 р. Такимъ образомъ поэтъ съ пѣснями въ карманѣ и въ сопровожденіи стада быковъ вступилъ въ «первопрестольную». Эта была его послѣдняя поѣздка къ «друзьямъ». Мы уже знаемъ, съ какимъ восторгомъ его ждалъ и встрѣтилъ Бѣлинскій въ Петербургѣ, отъ котораго прасолъ уѣхалъ въ Москву къ декабрю 1840 г. Въ Москвѣ поэтъ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ. Самое важное тяжебное дѣло въ Москвѣ онъ выигралъ, другое-же, менѣе серьезное, въ Петербургѣ—проигралъ. Въ Москвѣ поэтъ жилъ «полною жизнью», какъ-бы предчувствуя, что это его послѣдніе свѣтлые дни... Онъ написалъ нѣсколько стихотвореній и отослалъ ихъ Бѣлинскому. Новый (1841-й) годъ онъ встрѣтилъ у Боткина въ шумной и веселой компаніи съ Кетчеромъ, Грановскимъ, Щепкинымъ, Сатинымъ и друг.

Прошедшій годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей!—

говоритъ поэтъ объ этомъ радостно встрѣченномъ годѣ.

Но чѣмъ больше шло время и чѣмъ яснѣе сознавалась необходимость обратной поѣздки въ Воронежъ, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе становилось на душѣ у поэта; тѣмъ чаще возникалъ у него вопросъ: «не остаться-ли совсѣмъ въ Петербургѣ?» Но остаться въ столицѣ безъ всего, начать снова поприще мелкаго торгаша или прикащика—эта мысль приводила Кольцова въ бѣшенство. «Онъ, разсказываетъ Бѣлинскій, все надѣялся, что отецъ ему дастъ тысячъ десять на условіяхъ отказа отъ дома и всего другаго наслѣдства и что съ этимъ капиталомъ онъ могъ пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не успѣлъ научиться прежде»...

«Ахъ, если-бы къ вамъ скорѣе,—писалъ самъ Кольцовъ Бѣлинскому изъ Москвы,—если-бы вы знали, какъ не хочется ѣхать домой: такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда, а надо ѣхать,—необходимость, желѣзный законъ!»

Изъ этихъ строкъ видно, что мечтанія Кольцова о жизни въ

Петербургѣ были иллюзіей, которую онъ питалъ только въ самые оптимистическіе часы, а дѣйствительность—необходимость поѣздки домой—была «желѣзнымъ закономъ», котораго избѣжать не представлялось возможности.

Отецъ конечно не выдѣлилъ Кольцову денегъ, потому что въ данное время у него не было наличныхъ, да и сомнительно, чтобъ поэтъ просилъ такую сумму, хорошо зная старика. Если онъ и писалъ объ этомъ Бѣлинскому, то не всегда былъ искрененъ въ этихъ письмахъ о распряхъ съ отцомъ. Поэтъ хотѣлъ «разжалобить» своего друга... Онъ немножко хитрилъ, такъ какъ почти въ то же самое время въ письмахъ къ Жуковскому, кн. Одоевскому и Вяземскому—совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ выставлялъ старика и свои отношенія къ нему. Прасолу хотѣлось порельефнѣе выразить передъ Бѣлинскимъ свое желаніе жить вблизи него и свалить вину въ неисполненіи этого плана на другихъ.

Какъ-бы то ни было, но поэта наконецъ въ Москвѣ, по его словамъ, «прохватилъ голодъ» и онъ уѣхалъ въ Воронежъ, кажется, при помощи друзей, снабдившихъ его деньгами.

Если до сихъ поръ непосредственныя причины рѣзкой размолвки поэта съ отцомъ и любимою прежде сестрою біографамъ Кольцова представлялись не всегда ясными и о нихъ приходилось только догадываться, то теперь, послѣ пріѣзда поэта въ Воронежъ, этихъ причинъ оказалось слишкомъ много.

Прежде всего миссію поэта съ гуртами быковъ постигла полная неудача. Эпизоотія, большіе убытки при продажѣ, трата денегъ на разныя покупки, тяжбы, уплата долговъ—все это сдѣлало то, что поэтъ пріѣхалъ домой совершенно безъ денегъ... Можетъ быть, поэтому-то онъ, боясь суроваго и грознаго отца, медлилъ пріѣздомъ на родину. Но мы должны остановиться главнымъ образомъ на одномъ эпизодѣ изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта,—эпизодѣ, который можетъ намъ въ достаточной степени объяснить окончательное разстройство отношеній сына къ отцу, равно какъ и размолвку перваго съ сестрою Анисьей.

Кольцовъ обладалъ натурой страстной и чувственной. Мы видѣли изъ его отношеній къ «сестрицѣ», что эта страстность не стѣснялась даже родственными узами. У него не мало было любовныхъ исторій, начиная съ поэтической страсти къ «Дуняшѣ» и кончая позднѣйшими романами. Одинъ изъ нихъ, печально окон*чившійся* для Кольцова, былъ тотъ, о которомъ такъ краснорѣ-

чиво разсказываетъ Бѣлинскій, глубоко увлекавшійся какъ въ чувствѣ дружбы къ погибшему поэту, такъ и въ ненависти къ его врагамъ. «Страстною любовью озарился восходъ его жизни,—пишетъ Бѣлинскій про Кольцова,—пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни... Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумною жадностью, пилъ нашъ страдалецъ *отравительные* восторги... На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ, красавица, умна, образована, и ея организація вполнѣ соотвѣтствовала его кипучей, огненной натурѣ...»

Но въ этомъ поэтическомъ описаніи печальнаго эпизода очень мало правды. Эта женщина была извѣстная воронежская камелія—Лебедева или просто «Лебедиха», какъ ее звали въ городѣ. Правда, она была красива, образованіе ея было нѣсколько больше, чѣмъ сестеръ Кольцова и она была гораздо разбитнѣе ихъ. Но самое правдивое во всей описываемой исторіи было то, что объятія этой женщины оказались съ «отравою», какъ это и незамедлило обнаружиться на здоровьѣ Кольцова. Мы не будемъ называть болѣзни поэта, перешедшей впослѣдствіи въ чахотку: что это была за болѣзнь—ясно изъ всего вышесказаннаго. Есть основаніе полагать, что Кольцовъ уже нездоровымъ поѣхалъ въ столицы въ 1840 г. и что долгое пребываніе тамъ, не совсѣмъ умѣренный образъ жизни, плохое лѣченіе усилили болѣзнь и разстроили могучій организмъ поэта. Эта связь съ низко павшей, извѣстной всему Воронежу женщиной и свойства болѣзни поэта достаточно, по нашему мнѣнію, объясняютъ тотъ окончательный разладъ и холодность, которые образовались между сыномъ съ одной стороны, отцомъ и сестрою Анисьей—съ другой. Слишкомъ суровъ былъ старикъ, слишкомъ онъ дорожилъ чистотою и честью своего дома, слишкомъ патріархальною простотою вѣяло отъ его обстановки, чтобъ онъ могъ простить сыну подобное «баловство». А брезгливость со стороны Анисьи тоже вполнѣ понятна, хотя конечно она не могла не возмущать Кольцова. Всего печальнѣе эта размолвка съ «другомъ-сестрой», о которой поэтъ трогательно говоритъ въ извѣстномъ стихотвореніи:

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Огонь любви
Давно потухъ,

Въ груди твоей!
Бывало ты—
Сестра и другъ,
Бывало ты
Совсѣмъ не та!

Эта размолвка съ Анисьей началась еще раньше. Поэтъ не совѣтовалъ ей выходить замужъ за ненравившагося ему человѣка, между тѣмъ согласіе на бракъ было дано сестрою и родителями. Это оскорбило поэта и оттолкнуло отъ него сестру. Какъ мы уже не разъ говорили, упорство и крутость нрава—были семейными чертами характеровъ Кольцовыхъ. И сестра Анисья была однимъ изъ этихъ «кремней», не скоро подававшихся.. А тутъ еще у поэта явилась подозрительность, усиленная болѣзнью, что сестра подкапывается подъ его благосостояніе. Но насколько были правдоподобны такія опасенія, въ настоящее время представляется труднымъ рѣшить за отсутствіемъ обстоятельныхъ данныхъ. Какъ ни сгущены краски въ разсказахъ о страшной обстановкѣ въ послѣдніе $1^1/_2$ года жизни поэта, но все-таки въ положеніи Кольцова, при его болѣзненномъ состояніи, не было ничего отраднаго.

Сначала приходилось поправлять дѣла, значительно испортившіяся за время его отсутствія. И вернувшись въ мартѣ 1841 г. въ Воронежъ, Кольцовъ дѣлаетъ это. Домъ былъ отстроенъ лѣтомъ того-же года и поэтъ занялъ въ немъ мезонинъ (4 комнаты), устроенный по его вкусу. Отецъ обходился съ нимъ все холоднѣе и холоднѣе. Онъ, по разсказу Бѣлинскаго, согласился давать ему только 1,000 рублей изъ тѣхъ 7,000, которые долженъ былъ приносить домъ. Въ числѣ многихъ поводовъ холодности, нужно указать еще и на то̀, что старикъ, давно желавшій и пытавшійся (еще въ 1837—38 гг.) женить сына на представительницѣ купеческой «аристократіи», не встрѣчалъ на это согласія со стороны поэта. И теперь отецъ снова, даже во время болѣзни сына, когда послѣднему становилось лучше, не бросалъ своей мысли о женитьбѣ, не встрѣчая уже со стороны «Алеши» упорнаго отказа. Но сватовство въ одномъ изъ домовъ окончилось неудачно; старикъ совсѣмъ разсердился, думая,что самъ сынъ разстроилъ дѣло.

Печальное время настало для поэта. Знакомые, встрѣчавшіеся съ нимъ изрѣдка на улицахъ и въ городскомъ саду, находили его блѣднымъ, понурымъ, сумрачнымъ и раздражительнымъ. *Дѣлами онъ* уже не могъ хорошо заниматься, да и самъ старикъ,

отстроивши большой доходный домъ, рѣшился, кажется, совсѣмъ бросить прасольское дѣло. Онъ уплатилъ долги по векселямъ сына и не прочь былъ отпустить его отъ себя, конечно безъ денегъ. И въ это время, когда мучительные припадки болѣзни проходили, Кольцову страстно и во всякомъ случаѣ серьезнѣе прежняго хотѣлось порвать съ Воронежемъ и уѣхать въ столицы... Но болѣзнь брала свое, облегченія были рѣдки, и поэтъ не могъ отправиться къ «друзьямъ», если-бы даже и желалъ этого.

Лѣтомъ 1841 больной, по совѣту доктора, жилъ на дачѣ у своихъ родственниковъ и купался въ Дону. Это поправило его силы. Но наступила ранняя осень, болѣзнь опять усилилась и начались прежнія мученія. Изъ сыраго мезонина Кольцовъ осенью перешелъ внизъ, ему дали лучшую комнату, непроходную, и вообще жизнь его въ матеріальномъ отношеніи была, судя по письмамъ поэта и разсказамъ современниковъ, обставлена гораздо лучше, нежели описываетъ Бѣлинскій. Но нравственное состояніе было порою очень тяжело. «Здоровье мое стало лучше,—пишетъ поэтъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Бѣлинскому,—началъ прохаживаться и былъ два раза въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ, не только духовныхъ—и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали рости, съ лица зелень сошла, глаза чисты... Что если и выздоровѣвши, такимъ останусь... Тогда прощайте, друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полинпаго состоянія!.. Или жить для жизни или маршъ на покой!»

Нужно сказать правду, что Кольцовъ терпѣливо выносилъ свои страданія и только въ письмахъ къ друзьямъ говорилъ о нихъ, да порою становился раздражительнымъ.

А какъ ему хотѣлось жить! Кругомъ за это время шумѣла молодежь, по случаю выхода замужъ Анисьи,—танцовали, играли и пѣли... И это кипучее веселье, шумѣвшее около умирающаго поэта, должно было давать ему много минутъ жгучей скорби объ уходящей жизни, о прошлыхъ радостяхъ... Поэтъ жалуется въ письмѣ къ Бѣлинскому на эту кутерьму, но она скоро прошла и онъ успокоился. Въ существующихъ въ литературѣ разсказахъ много говорится объ ужасѣ той обстановки, которая окружала въ послѣдніе дни Кольцова. Поэта, по этимъ разсказамъ, ежеднев-

но оскорбляли, мучили и дразнили, какъ дикаго звѣря въ клѣткѣ,—въ то время, какъ ему нужно было спокойствіе. Доходило, будто бы, до того, что иногда мать только украдкою могла доставлять сыну обѣдъ и ужинъ и что дрова поэтъ, живя въ холодномъ мезонинѣ, добывалъ по ночамъ какъ воръ... Когда узнали объ этомъ, то обѣщали выгнать его изъ дома. Разсказываютъ даже о такомъ ужасномъ случаѣ: у сестры поэта, въ сосѣдней комнатѣ, разъ собралось много гостей и они затѣяли игру: поставили на середину комнаты столъ, положили на него дѣвушку, накрыли ее простынею и начали пѣть «вѣчную память!» рабу Божію Алексѣю. Но эта картина послѣдняго года жизни прасола-поэта слишкомъ мрачна и въ такомъ безчеловѣчномъ видѣ рисуетъ его родныхъ, что ей трудно вѣрить, тѣмъ болѣе, что самъ Кольцовъ во многихъ письмахъ совершенно иначе разсказываетъ о своей обстановкѣ и отношеніяхъ къ себѣ окружающихъ. Кромѣ того, изъ многихъ источниковъ достовѣрно извѣстно, что родные поэта не могли быть такъ жестокосерды, а мать до конца крѣпко любила своего единственнаго сына «Алешеньку» и самоотверженно ухаживала за нимъ во время болѣзни. Но и въ эту тяжелую пору жизни Кольцовъ обрѣлъ друга, что не мало скрашивало его бѣдствія. Этотъ послѣдній пріятель прасола—былъ докторъ Малышевъ, симпатичный человѣкъ, оригиналъ и умница. Со многими паціентами изъ купцовъ онъ не церемонился: «давай деньги впередъ!»—говорилъ онъ,—«а то надуешь...», что и случалось не разъ. Но къ Кольцову Малышевъ отнесся горячо, лѣчилъ его почти даромъ, поддерживалъ упадавшую бодрость духа, часто посѣщалъ поэта, который былъ ему сердечно благодаренъ. Присутствіе доктора оживляло Кольцова и заставляло его надѣяться, что не все еще потеряно.

— Докторъ! говорилъ ему больной, если болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу не тянуть ее... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—и вамъ меньше хлопотъ.

Но докторъ утѣшалъ его, ручался за излѣченіе.

— Когда такъ,—будемъ лѣчиться! рѣшалъ Кольцовъ.

Глубокой, надрывающей скорбью вѣетъ отъ послѣднихъ писемъ поэта. Тяжело умирать, когда такъ хочется жить, когда въ жизни осталось еще такъ много неизвѣданнаго прекраснаго, когда не осуществились завѣтныя мечтанія молодости... Въ концѣ 1841 г. онъ пишетъ князю Вяземскому: «Болѣнъ я. Жизнь моя туманная,

доля безталанная...» Но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и такими трогательными словами заключалъ письмо къ своимъ двумъ друзьямъ (Бѣлинскому и Краевскому), въ Петербургъ: «Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте—на долго-ли?—Не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ душѣ моей... Но еще прощайте, и въ третій разъ—прощайте! Если-бы я былъ женщина, хорошая-бы пора плакать.. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!»

За полтора или за два мѣсяца до смерти поэта съ нимъ свидѣлся товарищъ Серебрянскаго по семинаріи—Асноченскій. Поэтъ, бывшій въ послѣднемъ градусѣ чахотки и говорившій низкимъ, тихимъ и сиповатымъ голосомъ, не узналъ прежняго знакомаго.

— Ты меня не узнали, А. В.? спросилъ Аскоченскій.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Кольцовъ.

Гость назвалъ свою фамилію. Поэтъ обрадовался. Заговорили о старинѣ. Аскоченскій разсказывалъ про Кіевъ.

— Боже мой! какъ вы счастливы, сказалъ больной, вы учились, а мнѣ Богъ не судилъ... Я такъ и умру—неученый.

Аскоченскій сталъ его разувѣрять, говорилъ, что онъ еще много проживетъ и порадуетъ читателей своими стихами.

— Зачѣмъ умирать? выздоравливайте, да въ Кіевъ къ намъ!

— Да, въ Кіевъ, въ Кіевъ! проговорилъ поэтъ.

«Но я думалъ,—говоритъ Аскоченскій,—нѣтъ, не въ земной ты Кіевъ поѣдешь, а въ небесный... Ты ужъ на дорогѣ туда»...

Одинъ, безъ друзей, доживалъ Кольцовъ свои послѣдніе дни. Друзья боялись встрѣчъ съ отцомъ и не навѣщали больного. Родные-же собирались почти ежедневно. Приходила и Анисья, хотя ея посѣщенія, кажется, не всегда были пріятны поэту.

Какъ-бы ни былъ виновенъ человѣкъ, какъ-бы ни были противъ него ожесточены люди, но тайна смертнаго часа все сглаживаетъ... Страшному обаянію и трогательному величію смерти могутъ оказаться недоступными только очень жестокіе люди. Въ самомъ дѣлѣ, у кого-бы не защемило сердце при видѣ этой картины: недавно еще могучій прасолъ, у котораго было «много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня», лежалъ какимъ-то жалкимъ остовомъ, прикованный къ своей постели... Отъ него остались одни мощи.

— Посмотрите,—сказалъ онъ, показывая какъ-то сестрамъ ладонь,—только и осталось мяса, что здѣсь, а то—все кости»!

И онъ заплакалъ.

15 октября (1842 г.) пришелъ священникъ. Больной поднялся, всталъ съ постели, упалъ ницъ, но снова подняться не могъ...

— Зачѣмъ дѣлать сверхъ силъ! съ кроткимъ укоромъ сказалъ духовникъ.

— Не говорите мнѣ этого! съ рыданіемъ отвѣтилъ умирающій: я понимаю, кто посѣтилъ меня...

Наступило 19 октября. Въ комнатѣ поэта сидѣла сестра его,— Андронова. Онъ лежалъ и пилъ чай изъ чашки, подаренной ему княземъ Одоевскимъ, которою очень дорожилъ. Больного поила няня. Руки его страшно тряслись.

— Послушай, няня, сказалъ поэтъ, какая ты странная: опять налила чай въ чашку, она велика... Я слабъ и могу ее разбить, перелей въ стаканъ.

Просьбу больного исполнили. Андронова вышла на минуту изъ комнаты, но въ послѣдней черезъ нѣсколько мгновеній раздался крикъ няни, на который прибѣжали сестра и мать. Кольцовъ былъ бездыханенъ: онъ умеръ моментально, держа въ своихъ рукахъ руку няни.

Поэтъ тихо и незамѣтно сошелъ въ могилу. Друзья и почитатели, потерявшіе его давно уже изъ виду, узнали о его смерти долго спустя, а столицы—еще позже. Бѣлинскій уже отъ постороннихъ лицъ получилъ извѣстіе о смерти Кольцова. Кстати скажемъ, что поэтъ вѣроятно вслѣдствіе болѣзни и тяжелаго состоянія духа, давно не писалъ критическихъ статей (съ февраля 1842 г.).

Отецъ сдѣлалъ на могилѣ сына безграмотную, но прочувствованную надпись...

— Разумная голова былъ мой Алексѣй,—говорилъ онъ всѣмъ, спрашивавшимъ о покойномъ сынѣ,—да Богъ не далъ пожить на свѣтѣ: книжки его сгубили и свели въ могилу!

27-го октября 1868 г., по почину купца Кривошеина, который былъ и первымъ жертвователемъ на дѣло увѣковѣченія памяти Кольцова,—открытъ въ Воронежѣ памятникъ «поэту-прасолу». Но самый лучшій памятникъ Кольцовъ воздвигъ себѣ своими прекрасными и задушевными «пѣснями».

ГЛАВА VI.

Кольцовъ, какъ поэтъ.

Поэты-великаны.—Бурные рыцари поэзіи.—„Міровая скорбь".—Поэзія Кольцова.—Вліяніе степи на его творчество.—Грусть Кольцовской музы.—Первый періодъ творчества Кольцова. Подражательность.—Склонность къ воспроизведенію „народнаго".—Пѣсни Кольцова.—Предшественники его въ этомъ жанрѣ.—Искаженіе „народнаго" духа и языка.—Слащавость въ изображеніяхъ народной жизни.—Любовь Кольцова къ природѣ и описанія послѣдней.—Выраженіе русской удали въ пѣсняхъ.—Любовныя пѣсни.—Горькая доля женщины.—Пѣсни, выражающія драму жизни поэта.—«Думы».—Роль Кольцова въ стремленіи нашей литературы къ «народному».—Свѣтлый міръ крестьянства, изображаемый Кольцовымъ.—Кольцовъ—крупный народный поэтъ.

Поэты, какъ существа особенно чуткія и отзывчивыя, являются, болѣе чѣмъ всѣ другіе работники въ сферѣ мысли, дѣтьми своего вѣка и окружающаго ихъ міра. Только самые геніальные изъ нихъ переростаютъ головою современниковъ и на цѣлые вѣка опережаютъ свое время въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, бросая обществу глубокія мысли и яркіе образы. Созданія такихъ титановъ блещутъ вѣчною и нетлѣнною красотою для всѣхъ грядущихъ поколѣній. Въ всеобъемлющій кругозоръ этихъ царей мысли входитъ не одинъ какой-нибудь уголокъ жизни, а вся жизнь съ ея безконечными противорѣчіями, съ ея тайнами, прошлымъ и грядущимъ, съ ея страданіями и наслажденіями... Они захватываютъ глубочайшія основы ея, вѣчныя для всѣхъ временъ и народовъ. Тайна геніальности этихъ гигантовъ заключается главнымъ образомъ въ ихъ организаціи, для которой возможно легкое, почти «безсознательное» творчество такихъ произведеній, передъ которыми съ благоговѣйнымъ изумленіемъ останавливаются

и современники, и потомки... Среда и обстановка на этихъ поэтовъ оказываютъ неизмѣримо меньшее вліяніе, чѣмъ на таланты обыкновенные и во всякомъ случаѣ не они создаютъ этихъ людей. Вотъ почему они возможны и въ классической древности, какъ Гомеръ, на границѣ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія, какъ Дантъ, и въ позднѣйшее время, какъ Шекспиръ.

Но помимо этихъ великановъ, «съ высоты взирающихъ на жизнь»,—этихъ царей объективнаго творчества, мысль которыхъ течетъ, какъ глубокая, многоводная рѣка,—есть еще бурные рыцари поэзіи, испытавшіе все въ жизни въ погонѣ за неосуществимымъ идеаломъ своей «мятущейся» души, глубоко во всемъ разочаровавшіеся и излившіе силы своего духа въ горячемъ или демонически насмѣшливомъ отрицаніи всяческихъ «основъ».

Но мы мало ошибемся, если скажемъ, что полный разцвѣтъ поэзіи пессимизма, поэзіи отрицанія и «міровой скорби» невозможенъ при младенческомъ состояніи человѣчества, когда существуетъ непосредственная близость къ природѣ и обусловливаемая ею «жизнерадостность» человѣка. Weltschmerz—это продуктъ высшаго образованія и утонченной цивилизаціи. Чтобъ дойти до «міровой скорби», человѣчество должно было испытать цѣлый рядъ тяжелыхъ опытовъ и разочарованій. Только все познавшій, всѣмъ пресытившійся, всѣмъ разочарованный представитель культурнаго поколѣнія можетъ придти къ безпощадному разбиванію всѣхъ кумировъ, даже тѣхъ, которые дороги человѣчеству и которымъ оно цѣлые вѣка поклонялось. Образованіе и успѣхи цивилизаціи, увеличивая область доступныхъ уму явленій, знакомя больше и больше съ тайнами окружающей природы и далекихъ надзвѣздныхъ міровъ, необычайно расширяютъ кругозоръ поэта, даютъ ему новыя, неисчерпаемыя по своему разнообразію картины,—и на мѣсто прежней величаво-простой и цѣльн.й поэзіи является эта новая поэзія «проклятыхъ вопросовъ», съ ея дивными переливами красокъ, съ ея благоухающе-пикантными образами, за которыми однако видѣнъ художникъ съ насмѣшливымъ взоромъ, съ грустными, рѣзкими морщинами на челѣ и вѣчнымъ ядомъ сомнѣнія въ сердцѣ... Но роль и этой поэзіи велика: и въ ней видна благородная неудовлетворенность настоящимъ и страдальческое исканіе прочнаго «прекраснаго»; она даетъ ту жгучую скорбь, въ тайникахъ которой родятся честные порывы къ борьбѣ

со зломъ. И, наконецъ, это разрушеніе прежнихъ кумировъ,—изъ которыхъ, конечно, многіе стоютъ сверженія съ пьедесталовъ,—очищаетъ почву и даетъ мѣсто новой созидательной работѣ... И представители этого рода поэзіи—могучіе титаны разрушенія и борьбы—Байронъ, Леопарди, Гейне, Лермонтовъ могли быть только въ наше утонченное и все переиспытавшее время.

Кольцовъ не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ группъ поэтовъ. Его поэзія не создала эпохи, она не захватываетъ читателя на высокія вершины области духа, гдѣ царитъ дивное величіе образовъ, но гдѣ порою и содрогается сердце отъ холода изображаемой жизни.. Его поэзія не рѣшаетъ великихъ вопросовъ человѣчества, она не захватываетъ широкой области исторіи и современной жизни, всѣхъ ея печалей и скорбей, всѣхъ великихъ соціальныхъ проблеммъ... Кольцовъ не бросалъ въ лицо обществу «желѣзнаго стиха, облитаго горечью и злостью»; въ его поэзіи нѣтъ злаго смѣха Гейне надъ неосуществляющимися идеалами добра и ихъ мифическою побѣдою надъ зломъ. Онъ не спрашивалъ, волнуясь:

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Но тѣмъ не менѣе—Кольцовъ былъ истинный и крупный поэтъ. Міръ его поэзіи не великъ и, можетъ быть, одностороненъ не захватывая громаднаго круга явленій всей жизни; но за то въ своемъ уголкѣ—поэтъ-прасолъ царь и полный хозяинъ. Прекрасныя, яркія картины природы, широкая удаль и молодечество развернувшейся «во всю» русской души, грустная жалоба обдѣленнаго счастьемъ сердца—все это сочною и умѣлою кистью изображено въ произведеніяхъ Кольцова.

Мы уже говорили о вліяніи степи на мальчика и юношу Кольцова: она еще съ дѣтства заронила въ его чуткую душу свои грустныя мелодіи и ослѣпила его яркими красками. Мы говорили и о томъ, какъ ему знакомъ былъ міръ народной жизни, какъ онъ его понималъ и какъ съ головою окунулся въ это широкое и далеко еще до него неизвѣданное море. Затѣмъ мы видѣли, какъ скудно было образованіе Кольцова и какъ онъ, не смотря на страстную жажду знанія, прикованный къ своимъ практическимъ дѣламъ, не могъ его пополнить. Намъ извѣстно уже и то, какъ

не благопріятствовала поэтическому творчеству Кольцова городская обстановка съ ея торгашескою мелочностью, съ борьбою въ области ничтожныхъ грошевыхъ интересовъ. «Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько мнѣ жить въ немъ»... пишетъ Кольцовъ Бѣлинскому. Отсутствіе образованія и знакомства съ многосторонними сферами знанія не дали поэзіи Кольцова того разнообразія, которое встрѣчается у поэтовъ менѣе талантливыхъ, чѣмъ поэтъ-прасолъ, но болѣе его образованныхъ. Эти свойства обстановки поэта и опредѣлили характеръ его поэзіи. Кольцовъ дорогъ намъ, главнымъ образомъ, какъ задушевный пѣвецъ степей и какъ поэтъ, знакомый съ міромъ народнымъ, глубоко его любящій, и отразившій на своихъ пѣсняхъ его наивное міросозерцаніе, его страданія и радости... Не менѣе интересны лирическія душевныя изліянія самого поэта, какъ проявленіе богато одаренной натуры, глубоко страдавшей отъ неудовлетворенности и безконечно стремившейся въ свѣтлый міръ знанія... Грусть Кольцова—не тотъ сплинъ, который является слѣдствіемъ пресыщенія и знакомства со всѣми благами жизни, «какъ ранній плодъ, до времени созрѣлый»; это грусть неудовлетвореннаго въ скромной, элементарной жаждѣ счастія сердца,—это плодъ противорѣчія задушевныхъ горячихъ мечтаній поэта и стремленія его къ знанію—съ окружавшею горькою дѣйствительностью. И эта беззавѣтная и жалобная грусть и свѣтлая, кристально-наивная поэзія близкаго къ природѣ человѣка—дѣйствуютъ невыразимыми чарами на душу читателя.

Кольцовъ, какъ мы видѣли, писалъ стихи съ ранней молодости. Первые изъ нихъ были вещи подражательныя, не имѣвшія сначала никакой поэтической цѣнности и жалкія по формѣ. Мало-по малу, страшно работая надъ собою, чтобы уяснить самую область, отведенную поэтическому творчеству и выработать стихъ; много читая и бесѣдуя съ людьми знающими, Кольцовъ, наконецъ, достигъ извѣстнаго навыка въ версификаціи. Стихи его становились гладкими и довольно звучными, но все-таки въ нихъ слишкомъ мало было замѣтно своего собственнаго и слишкомъ много—подражанія прочитаннымъ образцамъ. Кромѣ того, въ нихъ сильно еще сказывалось вліяніе распространеннаго въ то время обычая писать для альбомовъ, акростихи, посланія и проч. Въ этихъ произведеніяхъ было очень мало простоты и слишкомъ много «кудре-•. Въ нихъ со всевозможными завитушками описывалась

«она» и чувство къ «ней»... Но такіе стихи позднѣйшаго періода по своей гладкой формѣ и приличности годились уже для напечатанія. Къ такого-же сорта произведеніямъ, но лучшимъ и по формѣ, и по содержанію, принадлежатъ стихотворенія вродѣ: «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный», «Къ рѣкѣ Гайдарѣ», «Приди ко мнѣ» и проч., помѣщенныя въ «Дополненіи» къ извѣстному изданію сочиненій Кольцова—со статьею Бѣлинскаго. Всѣ вышеуказанныя произведенія поэта не отличаются ни глубиною мысли, ни оригинальностію,—и если-бы творчество Кольцова ограничилось только такимъ неподходящимъ для него жанромъ, то, весьма возможно, имя его ничѣмъ-бы не выдѣлялось изъ массы другихъ посредственныхъ стихотворцевъ. Но въ томъ-то и отличіе истиннаго таланта, что онъ быстро находитъ свою собственную дорогу. Такъ было и съ Кольцовымъ. Относясь болѣе сознательно и вдумчиво къ окружающимъ явленіямъ, онъ свыкся и полюбилъ широкое море звуковъ народныхъ, онъ пропустилъ ихъ сквозь горнило своего творчества и создалъ свои пѣсни. На этотъ путь—изученія народной жизни и поэтическаго ея воспроизведенія—его наталкивало вліяніе друзей и степной природы, а также и собственная чуткость, съ упорствомъ державшая поэта на избранной дорогѣ во все позднѣйшее время творчества. И въ этой Кольцовской пѣснѣ, полной народныхъ звуковъ и стоящей, по своей оригинальности, совершеннымъ особнякомъ въ нашей поэзіи,—все значеніе творчества поэта-прасола.

Пѣсни Кольцова—размѣромъ, языкомъ, выраженіями и оборотами рѣчи, во многомъ напоминаютъ народныя, но конечно—художественнѣе послѣднихъ: въ нихъ мысль глубже, чувство выдержаннѣе и сильнѣе, стремленіе —опредѣленнѣе. Правда, въ русской литературѣ были предшественники Кольцова по составленію пѣсенъ, но Кольцовская пѣсня по своей правдивости и поэтическимъ достоинствамъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ этихъ поддѣлокъ, доходившихъ до полнаго искаженія,—подъ складъ и свойства народной рѣчи и души. У насъ еще въ концѣ прошлаго вѣка были пѣсни Карабанова, Николева, Нелединскаго-Мелецкаго (авторъ извѣстной всей Россіи пѣсни: «Выйду-ль-я на рѣченьку») и др. Но большинство этихъ пѣсенъ являлись народными только по названію. Истинно «народное» въ то прекрасное время господства смѣси «французскаго—съ нижегородскимъ» и незыблемыхъ граней между сословіями—было еще слишкомъ «холопскимъ», чтобы удо-

стоиваться вниманія правящихъ классовъ общества, «баловавшихся» отъ скуки литературою. И странная вещь: чѣмъ ужаснѣе и печальнѣе было въ то время положеніе безправной крѣпостной массы, тѣмъ миндальнѣе и слащавѣе представлялось положеніе народа въ литературѣ. Вѣроятно, «народъ» ужъ очень-бы рѣзалъ глаза «публикѣ» своею горемычностью, если-бы его показывали въ настоящемъ видѣ. И мы знаемъ хотя-бы изъ примѣра Радищева, какъ въ то время относились къ писателямъ, позволявшимъ себѣ смотрѣть не въ розовые очки на положеніе крестьянства. Народъ тогда и на театрѣ и въ поэзіи представлялся точно такимъ-же, какимъ напримѣръ онъ былъ выставленъ оффиціально при проѣздѣ Екатерины II въ Крымъ: ликующимъ, благоденствующимъ, радостнымъ, проводящимъ въ пѣснѣ и пляскахъ свои безоблачные дни... На сценѣ въ этихъ quasi-народныхъ пѣсняхъ изображались разныя граціозныя пастушки, поджидающія подъ тѣнью «сладостныхъ древесъ» своихъ милыхъ пастушковъ, со свирѣлями, въ изящныхъ шляпахъ съ лентами, завитыхъ, раздушенныхъ и напомаженныхъ... Соотвѣтственно съ этимъ описывался и духовный міръ этихъ «пейзанъ» и «пейзанокъ». Кромѣ миндальничанья съ народомъ, послѣдній иногда представлялся въ литературѣ «скотомъ» и «хамомъ», въ которомъ, разумѣется, дремали всѣ человѣческія чувства и у котораго не могло быть ничего хорошаго, достойнаго заимствованія.

Но жизнь шла, и съ теченіемъ времени признавали все больше и больше достоинства въ народныхъ пѣсняхъ и къ самому народу перестали относиться только какъ къ презрѣнному «холопу». Стали собирать народныя пѣсни: извѣстны сборники ихъ Сахарова, Кирѣевскаго, Рыбникова и другихъ. И литература, знакомясь съ подлинными звуками народнаго творчества, все болѣе и болѣе приближалась къ нимъ въ своихъ подражаніяхъ. Изъ пѣсенниковъ новой формаціи были наиболѣе замѣчательными: Мерзляковъ, баронъ Дельвигъ, Цыгановъ. Извѣстны, напримѣръ, пѣсни Дельвига: «Пѣла-пѣла пташечка», «Ахъ-ты, ночь-ли, ноченька»!

Но часто эти произведенія наполнены совершенно неподходящимъ содержаніемъ и обманываютъ своими оборотами и формою, похожими на народные. И пѣсни Кольцова отъ всѣхъ нихъ отличаются неизмѣримыми достоинствами: онѣ чисто русскія, съ русскою душею; въ нихъ видно короткое знакомство съ бытомъ и *духомъ народнымъ* и глубокое сочувствіе къ народнымъ горю и

радости. Но, будучи народными по духу, и по сочувствію къ народу, эти пѣсни полны поэзіи и художественности: въ нихъ, какъ мы сказали, больше мыслей, чувства болѣе глубоки и сознательны и стремленія выше. Но поэзія ихъ не въ риторикѣ, не въ піитикѣ. Въ любви къ народному быту, въ глубокомъ знаніи его Кольцовъ почерпнулъ силы для поэтическихъ звуковъ безъ всякихъ искаженій и прикрасъ. Въ его пѣсни вошли и лапти, и рваные кафтаны, и старые онучи—и вся эта грязь, по выраженію Бѣлинскаго,—превратилась у него въ «чистое золото поэзіи».

Свыкнувшись съ бытомъ крестьянскимъ и полюбивъ его, Кольцовъ привыкъ смотрѣть на окружающія явленія взглядомъ крестьянина и перенесъ этотъ взглядъ въ свои произведенія. Для него море волнующейся ржи—не просто картина, исполненная яркихъ красокъ, переливовъ свѣта и тѣней,—но онъ знаетъ, что съ колосомъ, нарядившимся «въ золотыя ткани», связано благосостояніе крестьянина,—и отсюда то почти святое, благоговѣйное, исполненное умиленія чувство, съ которымъ поэтъ смотритъ на землю-кормилицу, на нивы со «спѣлымъ колосомъ», на степь—на эту арену святаго труда простаго человѣка. Онъ не можетъ не сочувствовать радостямъ и горю работника, прилѣпившагося къ землѣ... Таковы его стихотворенія: «Урожай», «Ну, тащися, сивка!» и мн. др. Поэта радовали и «широкая степь», и полные колосья на трудовой мужицкой нивѣ, и «крестьянская пирушка». Зрѣлище лѣниваго, запустившаго свое дѣло работника — печалило его.

Мы конечно не можемъ здѣсь указывать на всѣ лучшія произведенія Кольцова: это значило-бы испестрить цитатами цѣлыя десятки страницъ. Но мы все-таки должны отмѣтить самые характерныя его пѣсни, служащія выраженіемъ различныхъ сторонъ его таланта. Мы уже привели ранѣе прекрасныя описанія степи у Кольцова (также хорошо описаны у него лѣсъ и поле), а сейчасъ указали на его отношеніе къ труду крестьянина,—къ горю и радостямъ труженика.

Русская беззавѣтная удаль, какъ стремленіе выйти во что бы то ни стало изъ тяжелыхъ условій жизни, губящихъ могучія силы, и разгуляться на просторѣ, «во всю душеньку», а вмѣстѣ съ нею и вѣра въ родное «авось»,—прекрасно выражены въ цѣломъ рядѣ пьесъ: «Пѣснь разбойника», знаменитомъ «Хуторкѣ», «Пѣсняхъ Лихача-Кудрявича», «Удальцѣ» и др.

Въ любовныхъ пѣсняхъ, имѣющихъ частью значеніе автобіографическое, поэтъ возвышается до трогательнаго, хватающаго за душу лиризма... Кому изъ читателей не нравились эти строки изъ стихотворенія «Не шуми ты, рожь»:

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ...
И тѣ ясныя
Очи стухнули!
Спитъ могильнымъ сномъ
Душа-дѣвица!
Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи—
Легла на сердце
Дума черная!

Или изъ пѣсни «Не весна тогда»:

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя,
Наводили сны,—
Сны волшебные,
Уносили въ край
Заколдованный...

Также прекрасны стихотворенія: «Послѣдній Поцѣлуй» и «Разлука». Печальная доля женщины,—удѣлъ того общества, гдѣ выросъ поэтъ, съ замѣчательною силой выражена въ глубокихъ по чувству жалобахъ:

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова,
Мужа стараго!

А эта драма—печальнаго положенія людей, богатыхъ силами души и талантомъ, но обреченныхъ стихійною судьбою томиться въ нелюбимыхъ условіяхъ жизни,—драма собственной жизни поэта,—съ какой силой и грустною прелестью выражена въ цѣломъ рядѣ высоко-прекрасныхъ пѣсенъ: «Горькая Доля», «Путь», «Дума Сокола», «Свѣтитъ Солнышко», «Много есть у меня» и др.! Какою силою поэтическаго таланта вѣетъ, напримѣръ, отъ нижеприводимыхъ строфъ:

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду —
Радость прошумѣла!
(„Горькая Доля")

Или:

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня! („Путь")

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?
(„Дума Сокола“)

И какимъ грустнымъ аккордомъ звучитъ заключительный куплетъ, пѣсни, сначала широкой и размашистой «Много есть у меня»:

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

Но мы не можемъ выписывать здѣсь всѣхъ Кольцовскихъ шедевровъ и отсылаемъ читателя къ его извѣстной книжечкѣ.

Мы повторяемъ, что только при врожденномъ сильномъ талантѣ, при глубокомъ вліяніи народной жизни и природы, глубокомъ знаніи этой жизни и при любовномъ проникновеніи во всѣ подробности народнаго быта—можно было написать такія прекрасныя пѣсни, какія мы находимъ у Кольцова. При всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствахъ онѣ до того гармоничны, что сами просятся на музыку, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что онѣ были излюбленнымъ матеріаломъ для многихъ русскихъ композиторовъ. Списокъ музыкальныхъ пьесъ для пѣнія, написанныхъ на слова Кольцова,—списокъ, вѣроятно, не совсѣмъ полный,—мы приводимъ здѣсь, въ дополненіе къ очерку.

Мы уже указывали, что пребываніе Кольцова у друзей, въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ кипѣли философскіе споры и дебатировались глубокіе вопросы «о тайнахъ неба и земли»,—не прошло безслѣдно въ поэтической дѣятельности Кольцова. Подъ вліяніемъ идей, воспринятыхъ тамъ, въ кружкахъ литераторовъ, но не вполнѣ, можетъ быть, сознанныхъ и разработанныхъ поэтомъ, написано большинство такъ называемыхъ «Думъ» его. Эти стихотворенія представляютъ большею частью запросы сильнаго, но не изощреннаго образованіемъ ума, для котораго закрыты многія расширяющія духовный горизонтъ сферы знанія... Въ «думахъ» поэтъ старается разрѣшить величайшія проблеммы жизни міра и духа или, лучше сказать,—не разрѣшить, а поставить только вопросы объ этихъ вѣковѣчныхъ тайнахъ. «Думы», конечно, далеко не имѣютъ того значенія, какъ пѣсни. Онѣ менѣе удачны и по формѣ, но тѣмъ не менѣе и въ нихъ попадаются прекрасныя вещи. Въ особенности хороши тѣ пьесы изъ этого отдѣла или тѣ

части этихъ «думъ», въ которыхъ поэтъ обращается отъ мучащихъ его сомнѣній о природѣ и жизни къ сладкой вѣрѣ и надеждѣ: «Тяжелы мнѣ думы,—сладостна молитва»! восклицаетъ онъ.

Въ извѣстной молитвѣ: «Спаситель, Спаситель,—чиста моя вѣра!» —прекрасно выражена печаль духа о невѣдомомъ грядущемъ, о «темной могилѣ», о томъ, чѣмъ замѣнится «глубокое чувство остывшаго сердца».

Слѣдуетъ также отмѣтить въ отдѣлѣ «Думъ» прекрасное стихотвореніе «Могила». Интересно также и стихотвореніе,— «Поэтъ», поражающее глубиною и образностью мыслей,—правда, недостаточно обстоятельно разработанныхъ.

Но, говоря объ увлеченіи Кольцова въ эту пору «высокими матеріями», мы все-таки должны сказать, что сильный и трезвый умъ поэта предостерегъ его отъ туманныхъ мистическихъ бредней, которыя часто становятся удѣломъ менѣе сильныхъ духомъ людей, отдающихся области глубокихъ вопросовъ о «началахъ началъ». Эти свойства ума Кольцова ясно выражены въ его извѣстной пьесѣ, посвященной кн. Вяземскому: «Не время-ль намъ оставить».

Въ заключеніе, мы должны сказать о роли, которую поэзія Кольцова играла въ томъ плодотворномъ стремленіи нашей интеллигенціи къ изученію народа и къ «народности» въ литературѣ, которое, начавшись со времени 30—40-хъ годовъ, выразилось особенно сильно за послѣднее время. Эта роль Кольцова, творчество котораго представляетъ богатый складъ въ сокровищницу знаній о народѣ, кажется, мало отмѣчается литературными историками. А между тѣмъ эта роль не маловажна. Сами уже произведенія поэта даютъ, какъ сказано выше, богатый матеріалъ для ознакомленія съ характеромъ и жизнью народа. А свѣтлые образы пахаря и жницы,—этихъ кормильцевъ и поильцевъ земли русской,—глядящіе изъ за каждой строчки Кольцовскихъ пѣсенъ,—служили правдивымъ отвѣтомъ на тѣ представленія о народѣ, какъ о «холопѣ» и стадѣ барановъ, которыя такъ были свойственны крѣпостному времени... Но эти простые люди, герои пѣсенъ Кольцова, не были такими низкими существами: у нихъ есть цѣлый міръ своихъ думъ, заботъ, радостей и печалей, стремленій и надеждъ,—и весь этотъ міръ ясно смотритъ со страницъ книжечки поэта-прасола... Такія произведенія, рисуя поэтическими, прочувствованными, но вмѣстѣ и правдивыми красками

народный міръ, считавшійся, по недоразумѣнію, вмѣстилищемъ только одной грубости и животности,—въ общемъ должны имѣть громадное значеніе въ пробужденіи интереса къ нему и въ желаніи поближе познакомиться съ нимъ. «Пѣсни» Кольцова, въ формѣ романсовъ проникли въ самые богатые и значительные салоны и познакомили ихъ съ свѣтлымъ міромъ крестьянства, изображаемымъ поэтомъ.

Въ отношеніи прогресса нашего поэтическаго языка—вліяніе Кольцова тоже не осталось безслѣднымъ: онъ обогатилъ его, узаконивъ въ немъ многіе новые простонародные обороты и простую русскую рѣчь... Впервые открытая имъ для поэзіи и воспѣтая жизнь народная,—не могла не найти впослѣдствіи и другихъ пѣвцовъ «народной радости и горя», на которыхъ въ извѣстной степени вліялъ своими пѣснями поэтъ-прасолъ. Изъ такихъ пѣвцовъ можно указать, напримѣръ, на Некрасова и Никитина.

И если-бъ Кольцовъ,—крупный, истинно «народный» поэтъ (послѣ всего сказаннаго мы имѣемъ право назвать его этимъ достойнымъ именемъ), могъ теперь встать изъ могилы, то онъ убѣдился бы, что не всуе жилъ и страдалъ на землѣ... Бѣдный прасолъ, представитель по рожденію и обстановкѣ, но не по уму и стремленіямъ, «темнаго царства»,—тщетно рвавшійся къ закрытой для него области знанія и умершій съ тоскою о недостигнутомъ идеалѣ,—онъ вводитъ обширный кругъ читателей въ свѣтлое царство своей благородной поэзіи; онъ открываетъ намъ закрытую до того для поэтическаго изображенія область души народной,—души этихъ вѣчныхъ тружениковъ, обдѣленныхъ свѣтомъ знанія и въ тяжелой борьбѣ съ невзгодами все-таки не утратившихъ человѣческаго образа... Онъ заставляетъ насъ любить нашего пахаря, сочувствовать ему и печалиться его печалями... И звуки Кольцовскихъ пѣсенъ, величавыхъ и широкихъ, какъ родныя степи и поля, и трогательно-печальныхъ, какъ стонъ пахаря въ этихъ степяхъ и поляхъ, не умрутъ безслѣдно въ памяти читателей...

УКАЗАТЕЛЬ
Стихотворенiй Кольцова, положенныхъ на музыку русскими композиторами.

Для одного голоса.
(*Съ аккомпаниментомъ фортепiано*).

Дума сокола	В. Де-Витте, Кашперовъ.
«Дуютъ вѣтры». Пѣсня.	К. Вильбоа, Н. Дмитріевъ. А. Рубинштейнъ, Усатовъ, А. Христіановичъ, Цыг. пѣсни.
«Если встрѣчусь съ тобой». Пѣсня.	Вителяро, М. И. Глинка, Даргомыжскій, А. Дерфельдтъ, А. Дюбюкъ, А. Рубинштейнъ, М. Сухоровскій, Цыг. пѣсни.
Женитьба Павла	А. Дюбюкъ.
Измѣна суженой	Божановскій, А. Варламовъ, Векшинъ, А. Дюбюкъ, А. Гурилевъ, В. Соколовъ.
Изступленіе (*Духи неба, дайте мнѣ крылья сокола скорѣй!*)	М. Балакиревъ, Бобриковъ, И. Н. Офросимовъ, А. Рубинштейнъ.
«Какъ здоровъ да молодъ». Пѣсня.	Н. Дмитріевъ, А. Дюбюкъ, Кашперовъ.
Кольцо. (*Я затеплю свѣчу*).	А—скій, П. Булаховъ, А. Гурилевъ, Даргомыжскій, Зайцовъ, Черниковъ.
Косарь. (*Не возьму я въ толкъ*).	Мещериновъ.
Крестьянская пирушка . .	А. Дюбюкъ, Мусоргскій.
«Люди добрые, скажите». Пѣсня.	Божановскій.
Лѣсъ. (*О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?*)	А. Дерфельдтъ, Сокольскій.
Лѣсъ. (*Что, дремучій лѣсъ*).	Б. Прокунинъ, Д. Усатовъ.
Міръ музыки. (*Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни*).	А Евгеньевъ, Б. Шель.
«Много есть у меня». Пѣсня.	Зайцовъ.
Молитва. (*Спаситель, Спаситель!*)	И. Игнатьевъ.
Молодая жница. (*Высоко стоитъ солнце на небѣ*).	К. Вильбоа, Махотинъ, А. Христіановичъ.
«Не весна тогда жизнью вѣяла». Пѣсня.	А. Дюбюкъ, Кашперовъ. А. Кирѣевъ, Г. Ломакинъ, А. Рубинштейнъ, А. Христіановичъ.
«Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный».	Цыг. пѣсни.
«Не на радость, не на счастье».	А. Дерфельдтъ, В. Соколовъ.
«Не разливай волшебныхъ звуковъ».	Л. Малашкинъ.

«Не скажу никому». Пѣсня.	Архангельскій, М. Бернардъ,Даргомыжскій, Н. Дмитріевъ, Донауровъ, О. Дютшъ И. Игнатьевъ. Г. Кузминскій, Л. Малашкинъ, И. Помазанскій, Шахтъ, Шашина, К. Шидловскій.
«Не шуми ты, рожь» . .	Г. Арнольдъ, Воротниковъ, А. Гурилевъ, Кушелевъ - Безбородко. Лазаревъ, Н. Щербачевъ.
Ночь. (*Не смотря въ лицо, она пѣла мнѣ*).	А. Дюбюкъ.
«Нынче ночью къ себѣ». Пѣсня.	Петровъ, В. Соколовъ.
Очи, очи голубыя. Пѣсня.	Д. Кладищевъ, И. Романусъ.
Передъ образомъ Спасителя.	Н. Дмитріевъ, А. Дюбюкъ.
Перепутье. (*До чего ты, моя молодость*).	Бѣгичева.
Перстенечекъ золотой. Пѣсня.	Барановичъ, Божановскій, А. Варламовъ, Г. Демидовъ, Капри, Ларме, Пригожій, И. Романусъ, А. Рубинштейнъ, Н. Стрекаловъ.
«По надъ Дономъ садъ цвѣтетъ».	А. Дюбюкъ, Кавелинъ, Мусоргскій.
Послѣдняя борьба. . . .	Цыг. пѣсни.
Послѣдній поцѣлуй. (*Обойми, поцѣлуй!*)	М. Балакиревъ, Бларамбергъ, Де-Витте, Лобановъ, И. Романусъ, Баронъ Фитингофъ, Цыг. пѣсни, Штуцманъ.
«Приди ко мнѣ, когда зефиръ».	М. Балакиревъ, Барановичъ, Н. Самсонова. Энгель.
Путь. (*Путь широкій давно*).	Эггерсъ.
Пѣсня Лихача-Кудрявича (первая).	Архангельскій, Н. Афанасьевъ, Векшинъ, Воротниковъ, А. Дюбюкъ, Кашперовъ. Е. Климовскій,
Пѣсня Лихача-Кудрявича (2-я)	Мещериновъ.
Пѣсня пахаря	Н. Бороздинъ, Самсонова.
Пѣсня разбойника . . .	Афанасьевъ, М. Балакиревъ, І. Малашкинъ, К. Вильбоа.
Пѣсня старика	М. Балакиревъ, А. Варламовъ, Н. Макаровъ, В. Соколовъ.
Раздумье селянина . . .	Барановичъ, Бороздинъ, А. Бурнашевъ, А. Копыловъ. П. Ф., Д. Усатовъ.

Разлука. (*На зарѣ туманной юности*).	А. Гурилевъ, А. Христіановичъ.
«Разступитесь, лѣса темные». Пѣсня.	А. Христіановичъ.
Разсчетъ съ жизнію . . .	К. Вильбоа, Де-Витте, Ржевскій, В. Соколовъ.
«Свѣтитъ солнышко». Пѣсня.	Н. Дмитріевъ, Б. Прокунинъ, А. Христіановичъ.
Сирота. (*Не прельщайте, не маните*).	И. Макаровъ, П. Щуровскій.
Соловей. (*Плѣнившись розой, соловей*).	Арцыбушевъ, А. Глазуновъ, Данилевская, Д. Кладищевъ, Ладухинъ, А. Рубинштейнъ.
Старая пѣсня. (*Изъ лѣсовъ дремучихъ*).	А. Рубинштейнъ.
«Такъ и рвется душа». Пѣсня.	К. Альбрехтъ, М. Балакиревъ, А. Варламовъ, Горбенко, Де-Витте, Н. Дмитріевъ, А. Ивановъ, Кашперовъ, Кушелевъ-Безбородко, Лобановъ, Ржевскій, Смирницкая, В. Соколовъ, И. Сѣтовъ, Н. Щербачевъ.
Теремъ.	Ельховскій.
Тоска по волѣ. (*Загрустила, запечалилась*).	В. Соколовъ.
«Ты не пой, соловей». Пѣсня.	А. Варламовъ, Зайцовъ, Монюшко, А. Паскуа, А. Рубинштейнъ, В. Соколовъ, Б. Шель.
«Ты прости,—прощай». Пѣсня.	Донауровъ, А. Дюбюкъ. К. Лядовъ. А. Рубинштейнъ. Эрарскій.
Удалецъ. (*Мнѣ-ли, молодцу*).	М. Балакиревъ, Эрарскій.
Хуторокъ.	А. Дюбюкъ, Е. Климовскій,
Цвѣтокъ	А. Дюбюкъ.
«Что онъ ходитъ за мной». Пѣсня.	Капри, Клеффель, В. Эбанъ.
«Что ты спишь, мужичекъ».	Цыг. пѣсни.
«Я былъ у ней,—она сказала».	Н. Фонъ-Дервизъ, А. Дюбюкъ.
«Я любила его». Пѣсня.	Андреевъ, А. Варламовъ, Віардо-Гарсія, А. Дюбюкъ, О. Дютшъ, Капри, В. Соколовъ, А. Христіановичъ.

Для двухъ голосовъ.

(*Дуэты*).

Глаза. (*Погубили меня твои черны глаза*).	И. Н. Офросимовъ.
Грусть дѣвушки	Н. Христіановичъ.
«Если встрѣчусь съ тобой». Пѣсня.	Даргомыжскій.
Міръ музыки.	Вл. Соколовъ.
«Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный».	Цыганскія пѣсни.
«Не скажу никому». Пѣсня.	Н. Афанасьевъ.
«Не шуми ты, рожь» . .	А. Гурилевъ, Н. Самсонова.
Послѣдній поцѣлуй . . .	Цыг. пѣсни.
«Приди ко мнѣ, когда зефиръ». Пѣсня.	Н. Самсонова.
Пѣсня Лихача-Кудрявича(1-я).	В. Соколовъ.
«Свѣтитъ солнышко». Пѣсня.	А. Рубинштейнъ, Н. Самсонова.
Соловей. (*Плѣнившись розой, соловей*).	В. Соколовъ.
«Такъ и рвется душа». Пѣсня.	Ц. Кюи.
Теремъ	Ельховскій.
«Ты не пой, соловей». Пѣсня.	Варламовъ, В. Соколовъ.
Хуторокъ.	Климовскій.
«Я любила его». Пѣсня.	Капри, В. Соколовъ.

Тріо, квартеты и хоры.

Великая тайна. Дума. . .	Римскій-Корсаковъ.
Веселый часъ. (*Дайте бокалы!*)	Афанасьевъ, Бернардъ, Вильбоа, Римскій-Корсаковъ, Соколовъ.
«Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ».	Вильбоа, В. Соколовъ.
Горькая доля. (*Соловьемъ залетнымъ*).	В. Соколовъ.
Домъ лѣсника	Главачъ.
«Дуютъ вѣтры».	Цыг. пѣсни.
«Какъ здоровъ да молодъ».	Кашперовъ.
Косарь.	Афанасьевъ.
Крестьянская пирушка . .	Римскій-Корсаковъ.
Молитва. (*Спаситель, чиста моя вѣра*).	Игнатьевъ.
Пѣсня Лихача-Кудрявича(1-я).	Главачъ. Воротниковъ.
Соловей. (*Плѣнившись розой, соловей*).	Римскій-Корсаковъ.
Старая пѣсня. (*Изъ лѣсовъ дремучихъ*).	Римскій-Корсаковъ.
«Такъ и рвется душа». Пѣсня.	В. Соколовъ.

Въ извѣстномъ изданіи Солдатенкова напечатано всего 124 стихотворенія Кольцова. Изъ нихъ, какъ это видно въ нашемъ указателѣ, не менѣе 75 положены для пѣнія; т. е., если исключить изъ помянутой книжки „думы" (16 пьесъ), какъ не вполнѣ удобныя для пѣнія, то можно сказать, что не менѣе (если не болѣе) 3/4 всѣхъ напечатанныхъ произведеній Кольцова переложено на музыку. Кажется, ни у одного изъ поэтовъ наши музыканты не заимствовали столько матеріала. Болѣе ста русскихъ композиторовъ трудились надъ музыкальною иллюстраціей пѣсенъ Кольцова,—и въ числѣ этихъ композиторовъ встрѣчаются почти всѣ самые знаменитые и крупные музыканты: Глинка, Даргомыжскій, Рубинштейнъ, Монюшко, Ломакинъ, Римскій-Корсаковъ, Мусоргскій, Кюи, Балакиревъ и др Представители „старой" музыки и дѣятели „новой" школы—всѣ находили у Кольцова богатый запасъ темъ для музыкальнаго изображенія. Большинство указанныхъ выше романсовъ выдержали многія изданія. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть, что мотивы многихъ романсовъ на слова поэта-прасола переложены съ голоса для разныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стран.	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
17 (стр. 7 снизу)	свою работу...	свои стихи
64 (2 и 3 св.)	личнымъ представительствомъ	лично представительствовали.
75 (3 сн.)	Въ	Въ
78 (12 сн.)	критическихъ статей...	критику (Бѣлинскому).

